

ШКОЛА

В 8-м классе 7-ой средней женской школы Ворошиловграда осенью 1945 г. сформировалась наша шестерка, которая сидела по партам так: Лариса Николенко - Лиля Букина, Мэра Милируд - Вера Шевченко, Люся Перегонцева - я (Леля Третьякевич). Мы с Люсей все три года (8-9-10 класс) сидели за последней партой, правда, были не парты, а столы. И был у нас один портфель на двоих, мой папа отдал нам свой старый шикарный кожаный портфель с 12 отделениями. Мы его так набивали, что он был очень тяжелый, и вечно спорили, чья очередь его нести. А Люся обычно заходила за мной перед школой, мы жили на одной улице. Ее бабушка и мама работали учителями в другой школе, преподавали математику. Бабушку даже наградили орденом Ленина. Кроме Люси, еще было двое детей от другого отца. Отец на фронте женился на другой женщине и к ним не вернулся. Тут только Люся и узнала, что он ей не родной. Сколько было слез! Они жили бедно, ее маме Нине Николаевне было очень трудно содержать такую семью. Люся часто ночевала у меня, мы готовили вместе уроки, т.к. не только портфель, но и учебники у нас были одни на двоих. Нас ими снабжала Люсиная мама. Люся училась, в общем, хорошо, особенно по математике, наверное, пошла в маму и бабушку. Когда она приходила ко мне, мы с нею прямо с порога большой комнаты начинали тур вальса вокруг стола и в конце пути валились со смехом на диван. Она была крупного телосложения, блондинка с красивыми вьющимися волосами и красивой белозубой улыбкой. Однажды моя мама сшила сестре Зине зимнюю шапку с меховой отделкой и я стала просить такие же и нам с Люсей. Но меха уже не было и мама сшила нам одинаковые шапки просто из сукна и украсила их бантиками.

Мэра (по паспорту Вера) жила на квартал выше, в маленьком домике, на улице Шевченко. Вокруг дома вились и красиво цвели "граммофончики" (вьюны). Они раскрывались вечером - тут были и розовые, и белые, и фиолетовые цветы, - а днем закрывались. Эти цветы создавали настроение домашнего уюта и спокойствия. Мэра в школе больше любила литературу, была среди нас самой изящной, с грустными серо-зелеными глазами, хотя любила поострить и поохотиться вместе с нами. Они сидели с Верой за второй партой и на уроках часто болтали, за что учитель по физике Амвросий Титович не раз удалял их из класса. При этом происходила такая сценка: учитель прерывает урок и громко говорит - "Шевченко и Милируд! Встаньте!" Они встают, наклоняют виновато головы и начинают хихикать, он тогда добавляет - "Выйдите из класса!" Они покорно выходят, смеются, а все в классе при этом улыбаются. Мэра ходила в детскую спортивную школу в гимнастическую секцию, заняла по области третье место, в 1949 г. ездила на соревнования в Киев. На наших уроках физкультуры мы ее всегда просили что-нибудь продемонстрировать. В спортивной школе в 1947 г. она познакомилась с Сашей Нодельманом. Дружба перешла в любовь на всю жизнь.

Вера очень любила и хорошо знала литературу, активно изучала английский язык. Пожалуй, она была самой начитанной из нашего класса. Училась музыке, играла на пианино. Жила она за нашей школой в лабиринте тихих улочек, но на улице с громким именем Бакунина. Из нашей шестерки

Вера больше всего проявляла привязанность к Ларисе. Она была рыжеволосая (поэтому мы ее звали "Вера Рыжая"), очень остроумная и хохотушка. Вспоминаю со смехом такой случай. Сидим с Верой у нас на веранде за столом, на столе - бутылка с нарзаном. У меня, видимо, лирическое настроение, я начинаю декламировать: "Люблю березу русскую, то светлую, то грустную". Вера со стуком ставит пустой стакан на стол и прерывает меня словами: "А я люблю нарзан!"

Нам с нею нравился фильм "Бесприданница" с Ниной Алисовой в главной роли, я его смотрела много раз и уже знала все фразы наизусть, которые там произносят действующие лица. Во время наших дурачеств Вера оголяла декольте и голосом Огудаловой из этого фильма произносила: "Господа, Лариса хочет танцевать!" Позднее я узнала, что мой кумир, великий пианист Святослав Рихтер, тоже очень любил "Бесприданницу" и смотрел этот фильм десятки раз. И вообще любил пьесы Островского.

Лариса была в нашем классе человек номер один. Она училась ровно по всем предметам и только на "отлично". Непревзойденным у нее был талант в математике, это я очень хорошо чувствовала, т.к. сама в этом предмете была слаба. У нее всегда были выучены уроки, казалось, что трудностей для нее не существует. Внешне миловидная, с приятной улыбкой, очень доброжелательная, она часто нервничала и переживала. Ее отец погиб на фронте, мама жила в другом городе, а Лариса здесь жила с бабушкой и с тетей. Однажды, кажется в 9-м классе, когда мы все находились у нее в гостях, Лариса вдруг закашлялась и на платке, который она приложила к губам, все увидели капли крови. Она от испуга как-то сразу ослабела и прилегла на диван. Оказывается, это был туберкулез. Ларису стали активно лечить, усиленно кормить, она очень поправилась, но болезнь до конца осталась не вылеченной и беспокоит ее всю жизнь. Несмотря на болезнь, она в 10-м классе продолжала хорошо учиться и закончила школу с золотой медалью. Мы кончали школу в 1948 г., а медали ввели в 1947 г.

Лиля училась на "четыре-пять", причем больше на "пять"; была очень прилежной, дисциплинированной, высокой, интересной девушкой. Мы ее считали самой красивой в классе. Она жила рядом с Ларисой и поэтому больше общалась с нею. Пожалуй, она больше тяготела к математике. Кажется, школу закончила с серебряной медалью.

Теперь о себе. Я очень любила литературу, русскую и украинскую, на школьных вечерах выступала с отрывками из прозы и читала стихи. Как-то раз на литературной олимпиаде я начала читать стихотворение Лермонтова "На смерть поэта" и при словах "Погиб поэт, невольник чести" неожиданно погас свет. Я продолжала говорить лермонтовские строки в темноте, никого не было видно и я почувствовала себя оторванной от всех, как будто бы была на другой планете и оттуда обличала виновников смерти Пушкина. В школе не понимала такой предмет, как "Основы дарвинизма", из математики легче всего мне давалась тригонометрия, хуже - геометрия. Правда, училась я хорошо и получила золотую медаль. Была, как и Мэра, изящной, хотя и уступала ей по размеру талии. Все мы, кроме Люси, имели косы и основной заботой с прической было какой делать пробор - прямой или косой. В 8-м классе у меня

был косой пробор, в 9-м и 10-м - прямой. А в институте я сначала носила косы, а потом стала делать пучок.

Наш класс с большим уважением относился к учителям. Мы очень любили Ольгу Митрофановну (по русскому). Это была, как нам казалось, уже пожилая дама, из старой интеллигенции. Знала другие языки, преподавала в 7-м классе немецкий. Уроки по литературе она обычно вела таким образом, что один урок полностью рассказывала новую тему, а на следующем - только спрашивала нас. Новый урок рассказывала стоя, в руках обязательно держала нужную ей книгу с закладками. Мы слушали очень внимательно, а я старалась конспектировать ее объяснения. Благодаря ей мы любили русских классиков, а я особенно Гончарова, Тургенева, Гоголя. Ольга Митрофановна просвещала нас, насколько было возможно, и в западной литературе. О "Фаусте" и "Гамлете" мы знали только от нее, т.к. в программе их не было. Как же удивились мы, когда узнали, что последующие классы относились к Ольге Митрофановне без должного уважения, не слушали, шумели на уроках. Я не могла в это поверить, но это так.

В 8-м классе математику стала преподавать нам Клеопатра Петровна или просто "Клепа". Она говорила четко, любила подковырнуть и съязвить, хорошо вела уроки, но мы побаивались ее подковырок.

По химии - Ольга Игнатьевна - приятная, улыбающаяся, но тоже не пропускала случая, чтобы нас не уколоть острым словечком. Она была модная и игривая, любила с нами пошутить; к тому же организовала разные кружки: кройки и шитья, вышивания и химический кружок. Сохранилась фотография химического кружка, где мы вместо колб держим в руках флаконы из-под одеколона.

Географию преподавала Мария Ильинична, про которую мы говорили "где брошка - там перед". Она часто меня вызывала к карте, чтоб путешествовать по разным странам, и рассказывать, где какие находятся проливы. Я это все знала назубок. География у нас заканчивалась в 9-м классе, и годовая оценка шла уже в аттестат, так же, как и по "Основам дарвинизма". Оценка по тригонометрии засчитывалась после экзамена в 8-м классе, а по Конституции СССР - в 7-м. А вообще экзамены сдавали, начиная с 4-го класса.

В 8-м классе весной 1946 г. были серьезные экзамены. Мы ходили на экзамены в одном и том же платье, не стирая, потому что была такая примета. Форм еще не было, я, например, надевала шерстяное клетчатое платье, полученное из американских подарков. Очень удачно написала сочинение на свободную тему о комсомоле. Все экзамены сдала легко, на "отлично". Когда пришла домой после последнего экзамена, мама с папой встретили меня во дворе и начали качать, а весила я тогда примерно 40 кг.

В 9-м классе у нас появилась новая учительница по украинскому языку и литературе - Раиса Федоровна. Она пришла сразу после института, видимо очень волновалась и первый свой урок провела на одном дыхании, стоя у стола и никуда не заглядывая. Весь урок без единой паузы она тараторила нужную тему, а мы от неожиданности даже сидели тихо. Она оказалась добрым, приветливым человеком, мы с нею подружились, хотя, конечно, ей не хватало тогда еще опыта преподавания, как-то все получалось по-книжному. Мои

сочинения она иногда зачитывала вслух всему классу, что нравилось девчонкам, т.к. можно было это не слушать и болтать с соседками по парте. Лет через десять у нее учился уже мой брат Витя, она ему рассказывала обо мне и о нашем классе, и, по словам Вити, стала уже опытным хорошим преподавателем.

Классным руководителем у нас была Клавдия Ивановна Полякова ("Основы дарвинизма"), вплоть до окончания школы, хотя в 10-м классе ее предмета уже не было. Клавдия Ивановна - красивая женщина, с приятной улыбкой и пронзительным взглядом карих глаз. Из другой школы нам сказали, что ее ученики очень боялись и дали ей имя "Кобра". Жизнь ее была трудной: мужа репрессировали, она осталась с двумя сыновьями. Несмотря на строгий характер, была добрым человеком. Мы долго с нею дружили, и после окончания школы в течение многих лет заходили ее проведать. Особенно она привязалась к Ларисе Николенко, встречалась с нею в Киеве, когда ездила к сыну, а Лариса там сначала училась, а потом работала. Я переписывалась с Клавдией Ивановной до ее смерти в 1993 г., а теперь, когда бываю в Луганске, прихожу к ней на могилу.

Вспоминаются отдельные эпизоды школьного времени.

Примерно в 8-м классе мы с Мэрой решили покататься на лыжах, которых у нас, конечно, не было, но в школе имелись лыжи для уроков физкультуры. Учительница физкультуры Клавдия Ильинична, участница войны, ходила в шинели, на уроки приводила с собой трехлетнюю дочку - дитя войны. И мама и дочка были симпатичные, с девочкой мы с удовольствием играли. Вот мы с Мэрой стали просить у учительницы лыжи, чтоб покататься у дома. Она, видимо зная обстановку, упорно не хотела нам их давать и все говорила, что их у нас отнимут. Но мы добились своего и начали вечером кататься по нашему переулку по очереди. Как раз выпало много снега, мы радовались хорошей зиме. К нам подошли двое знакомых ребят нашего возраста, и тоже немного покатались на наших лыжах. Потом всей компанией стояли у калитки и болтали, а лыжи держал в руках один из ребят. Нет бы войти во двор! Тут вдруг подходит к нам высокий мужик в брезентовом плаще нараспашку, выхватывает лыжи, кричит ребятам "Сквози налево!" и убегает. Я побежала в дом за папой, он выскочил на улицу, но никого уже не было видно. Так сбылось предсказание учительницы.

С подругами Люсей и Мэрой я ждала с нетерпением лунного затмения, которое должно было быть поздно вечером. В нашем переулке мы развлекались тем, что валялись в сугробах и делали отпечатки своих фигур в снегу. Был морозец, луна ярко светила, снег красиво серебрился, и мы в ожидании затмения веселились. Но не рассчитали свои силы и до того устали, кувыркаясь в снегу, что, не дождавшись затмения, ушли домой спать. Утром было досадно, что мы так поступили.

Я очень любила А. Н. Толстого, зачитывалась "Хождением по мукам", а после прочтения "Петра 1" стала разговаривать в его манере. Это меня натолкнуло на то, чтобы начать пробовать что-нибудь писать. А что? Конечно, роман. Стиль я выбрала, как у А.Н. Толстого, а манеру писания, как у самого Льва Толстого. Где-то прочла, что он при сочинении произведений делил страницу вдоль пополам и писал на одной половине, а на другой делал

исправления. Итак, летом 1947 г. у меня уже было написано много таких страниц безымянного романа, где действующими лицами были мои подруги и друзья. Несколько страниц я решила дать почитать подруге из шестерки Вере Шевченко. Я ожидала, что она будет хохотать и шутить, но она отнеслась серьезно к моему труду и сказала, что ей понравилось. Так и вижу этот момент - сидит на ступеньках веранды, читает мой труд и улыбается. Не улыбаться нельзя было, ведь там мелькали знакомые лица. Например, наш товарищ и будущий муж Веры Рома Любеткин фигурировал там под именем "Князь Р". Но учеба в 10-м классе отвлекла меня от писания, потом были экзамены и поступление в институт. Сейчас интересно было бы прочитать старые записи, но все пропало, как и дневники, которые я вела с пятого класса.

С 1946 года у нас появился приемник "Telefunken" и я часто слушала станцию "Маяк". Кроме песен там исполнялись популярные симфонические произведения и арии из опер. После того, как я влюбилась в певца Лемешева в кинофильме "Музыкальная история", я ловила по радио его пение и таким образом пристрастилась к оперной музыке и вообще к классике. В 8-м классе я даже написала письмо Лемешеву, оно, конечно, осталось без ответа. Ему с избытком хватало поклонниц в самой Москве. В это же время я снова начала учиться музыке после пятилетнего перерыва, у другой учительницы. Но для меня уже никто не мог сравниться с моей довоенной учительницей, Ноткиной Ниной Сергеевной. Она была сторонница серьезного обучения, а новая - нет. У Ноткиной я училась в течение 1938-1940 г.г. Она устраивала для учеников экзамены в присутствии родителей. На одном из экзаменов во 2-м классе я играла "Польку" Майкапара и забыла какую-то часть, но не подала виду, а несколько раз возвращалась к началу, пока не сумела дойти до конца. При этом у меня от страха сильно тряслись ноги в валенках, я не доставала тогда ногами до пола. Другая учительница была какая-то легкомысленная, на уроках любила рассказывать анекдоты, разные истории, отвлекалась от урока и т.п., хотя была образованным человеком, говорила по-французски и начала изучать английский язык. Я у нее проучилась 8-9-й классы и пополнила свой репертуар итальянскими песнями, полонезом Огинского и другими нетрудными пьесами. Полонез Огинского мне тогда очень нравился. Когда его играли по радио, у меня все замирало в душе, а папа звонил с работы: "Ты слушаешь радио? Скорее включай - Огинский!".

Нам нравилось ходить на демонстрации, обычно школьники проходили перед трибунами раньше всех, наши колонны всегда старались украсить получше. К одному из праздников классный руководитель дала задание каждой из нас приготовить обручи, украсить их разноцветными лентами, чтоб во время демонстрации перед трибуной ими совершать разные движения. Когда Клавдия Ивановна увидела мой обруч, она ахнула со словами: "Так это ж Петлюра! Переделай скорее!". Оказывается, что цвета лент, которыми я украсила свой обруч - желтые и голубые - напоминали цвет "жовто-блакитного" Петлюровского флага. Я об этом ничего не знала. Теперь, когда бываю в Луганске и вижу везде желто-голубые украинские флаги, вспоминаю об этом инциденте.

В 9-м классе учительница литературы предложила нам написать домашнее сочинение на тему "О чем я мечтаю". Одна моя мечта была всего лишь о телевизоре, но тогда их нигде не было, и названия такого не было, а только шли разговоры. Я мечтала о нем, чтобы можно было видеть и слушать Лемешева. Ну что ж, эта мечта сбылась. Самое интересное, что и второе мое желание, о котором я написала в сочинении, тоже исполнилось. Мы, когда с девчонками поднимались по нашим переулкам наверх и смотрели оттуда на панораму города и на Каменный Брод - район на другой стороне речки Луганки, который красиво располагался на горе, то я каждый раз говорила: "Вот если бы отсюда построить мост над нашими домами!" Почти, как у Манилова. И написала об этом в сочинении. Через несколько лет почти такой мост построили - путепровод, а еще позднее соорудили эстакаду к вокзалу, которая уничтожила большой район частных домов, в том числе и наш. Люся в своем сочинении размечталась почему-то о строительстве моста в Арктике, и даже нарисовала его. Учительнице понравилось, как она написала, она ее похвалила.

В 1947 г. мы приняли участие в съемках фильма "Молодая гвардия", я об этом писала в первой книге. Нам троим - Люсе, Вере и мне - пришлось не очень там тяжело, мы, в основном, медленно двигались по степи к Донцу, изображая отступление, а Мэра попала в группу, которая отступала по мосту через Донец. Она рассказывала, что целый день пришлось бегать по этому мосту то в одну, то в другую сторону до изнеможения. Это повторялось многократно. Она уже не могла дождаться, когда это кончится. Там же принимала участие в съемках и Ира Иоффе, девочка из нашей школы, на год моложе нас, потом она стала комсоргом школы. А через 50 лет я с нею встретилась в Москве, как с сотрудником ЦХДМО, где ей пришлось часто соприкасаться с материалами "Молодой гвардии" и невольно вспоминать свое участие в фильме.

Папа одно время работал в Красном Луче в тресте "Боковоантрацит". Мама с маленьким Витей уехала с ним, а меня с сестрой Зиной оставила дома под присмотром чужой тети Маруси. Ко мне приходили подруги с ночевкой, мы готовились к экзаменам. Чтоб не мешать друг другу, разошлись по разным комнатам. Вера откопала в шкафу соломенную шляпу, взяла в руки гитару и в купальнике вышла из своей комнаты. Мы хохотали до слез, особенно Люся. Было жарко, спали на полу.

В другую ночь случилось происшествие. Мы услышали какой-то шум за дверью и во дворе. Кто-то стучал, ходил, двигал. В этот раз у меня ночевали из подруг Люся и Мэра. Мы выключили везде свет и старались в окошко из ванной рассмотреть, что делается во дворе около сарая и погреба. Погреб находился под домом, имел выход во двор и лаз в кухню. Мы кричали угрозы в форточку, хотя никого не видели, но слышали чье-то присутствие. В доме было ружье, мы его взяли и выстрелили в направлении сарая. Мэра до сих пор вспоминает со смехом этот случай. Но тогда было не до смеха. Утром не могли открыть дверь из дома. Оказывается, невидимый нами вор решил проникнуть в погреб, а оттуда, может быть, в дом через лаз. Для чего начал ломать стену погреба, вывалил из нее несколько больших камней, но насквозь не сумел

сделать дыру в стене. Эти камни он положил под дверь, чтоб мы не сумели ее открыть. Наш выстрел его испугал и он не завершил свою работу.

С подругами была на концерте оркестра народных инструментов им. Осипова под руководством его брата дирижера Дмитрия Осипова. Наверное, весной 1947 г. На следующий день у нас возникает дерзкое желание посетить дирижера в гостинице. И вот мы втроем - Вера, Люся и я - направляемся к нему в гостиницу. Мы выглядим как замухрышки. Хотя Вера слыла у нас модницей, но в пальто это не видно. К тому же мы как на подбор все некрасивые. Нам по 16 лет. Заходим к нему в номер прямо в пальто. Он лежит еще в постели, под одеялом, объясняет, что после концерта у него сильно пошла кровь из носа, что он испачкал рубашку. Мы представились, он пригласил сесть, а сам продолжал лежать. Вблизи он был еще красивее, чем выглядел со сцены. Среди нас самая бойкая Вера. Она начинает разговор, который свелся к нашим вопросам о разных певцах. Еще я проявила свои знания - сказала, что мне нравится музыка Николая Будашкина для народных инструментов, это действительно было так. Из его ответов запомнила только следующее: "Владимир Нечаев - характерный певец" (что это значит?), и "Обухова - очень мнительная, боялась сквозняков, могла отказаться от концерта, если ей что-то не нравилось". Поговорив о пустяках, мы с Осиповым распрощались, оставив его в постели. Не подумали, что можно было бы взять автограф. Гостиница тогда располагалась в здании, где была когда-то дума, потом музей Ворошилова.

Приезжала с концертом и Русланова. Концерт проходил во Дворце Ленина, построенного в стиле кубизма на месте взорванной Гусиновской церкви. Впечатлений от Руслановой не помню, кажется, нам с Верой она не очень тогда понравилась.

В этом же дворце проходил концерт эстрадных певцов. Шульженко была красиво одета, уходила часто за кулисы. Я острила - "для того, чтоб показать фасон платья",- сзади у платья был большой вырез, вся спина открытая. Увидели и певца Владимира Нечаева, которого до сих пор слышали только по радио. "Ой, какой вихрастый!" - высказалась Люся о нем.

А с творчеством Шульженко меня досконально познакомила подруга детства Лида Шапиро. Мы с нею летом 1947 г. были в Красном Луче, где временно работал папа. И вот однажды у Лиды было лирическое настроение, она прилегла на кровать и начала петь подряд весь репертуар Шульженко. А я сидела за столом и слушала. Перед каждой песней Лида высказывала о ней свое, конечно, положительное мнение. Она и ее мама тетя Зина любили эту певицу, а я относилась к ней равнодушно, меня не трогала эстрада - я любила классику. К этому хочется добавить, что я воспринимаю музыку наглядно, в виде окрашенных линий, точек, рисунков. Когда поет Козловский, у меня в воображении тянется ровная светло-серая полоса или льется река такого же цвета. Лемешев - темнее полоса, с бликами. Басы - черная полоса, немного пористая, женские голоса - желтые, оранжевые, малиновые. Например, Барсова - оранжевая игольчатая линия, Нежданова - линия малинового цвета. И все инструменты звучат с окрашиванием в какой-то цвет, и даже голоса дикторов я узнаю по окраске их голосов. Папа знал по радио голоса всех дикторов и всегда

нас экзаменовал - "Кто читает?" Благодаря ему я тоже знала дикторов тех времен - Дубравина, Герцика, Тобиаша, Соловьеву и, конечно, Левитана и Высоцкую. Когда училась в институте и жила в общежитии, радио стояло на спинке моей кровати и я с тем же вопросом приставала к девчонкам по комнате. А в Дзержинске заставляла мужа прислушиваться к голосам дикторов и составила их список, который в 80-х годах включал более 70 человек. Заразила этой игрой брата мужа Анатолия, он даже взял у меня этот список. И вдруг в 90-х годах на смену дикторам с хорошей дикцией и правильным произношением на радио России приходят обозреватели, комментаторы и просто, как я их называю, "щебетухи". Список дикторов потерял свое значение. Правда, с радостью я услышала некоторые знакомые голоса по "Маяку" и другим радиoproграммам - Лебедеву, Ромашова, Лихачеву.

В классе 7-8 м в школе организовали кружок танцев. Вели его муж и жена очень бедно одетые. Он играл на баяне, а она показывала нам движения. Мы с Люсей стояли рядом и в валенках отстукивали такты вальса: "Раз-два-три, раз-два-три...". Все ученицы тоже были плохо одеты, ведь прошел только год после окончания войны.

Как-то ко мне пришла подруга Люся Перегонцева и наша одноклассница Лида Трачук. В это время по радио играют увертюру Россини к "Сороке-воровке". Мы быстро включаемся в эту музыку: Люся изображает игру на скрипке, Лида - на виолончели, я - дирижирую. Увертюра оказалась довольно длинной и когда она закончилась, мы совершенно обессилили и повалились на диван.

В 8-9-м классах была такая девочка Света Куриленко в моем классе. Почему-то какое-то время я сидела с нею за одной партой, наверное, Люся болела. Света оказалась для наших лет необычным человеком, например, она очень любила Лобачевского. Изучала его биографию, называла его только "Коленька Лобачевский". Сейчас удивляюсь, почему ее увлечение не нашло выхода на большую аудиторию. Знала ли об этом, скажем, учительница математики? Но мне, как соседке по парте, Света прожужжала уши о Лобачевском. Кстати, от нее я впервые услышала и о Вальдтейфеле, им она тоже очень восхищалась. Она же мне рассказала случай (тихо, на ухо), который произошел на очередных выборах в Верховный Совет на их участке: люди требовали пирожков, иначе отказывались голосовать, пришлось выдать бесплатно пирожки.

Когда вышло постановление о Зощенко и Ахматовой, мы проходили его на уроке, не понимая толком, о чем речь - Зощенко мы уже знали по смешным рассказам, они нам нравились, и непонятно было, в чем его вина. А Ахматову мы совсем не читали, и поэтому тоже было непонятно, за что ее осуждают. Идем на экзамен по литературе и с Мэрой по пути в школу пытаемся вспомнить речь Жданова. Она начинает: "Товарищ Жданов сказал" - и мы заливаемся смехом. Снова повторяем все сначала и - та же история. Хорошо, что не попался этот вопрос.

А в связи с постановлением о музыке папа слышал, как секретарь обкома партии по пропаганде рассказывал: " Перед тем, как вынести решение, Жданов А.А. на заседании Политбюро сел за рояль и сыграл Чайковского, а потом для

сравнения сыграл Шостаковича, и всем членам Политбюро сразу стало ясно, какая музыка лучше".

Мы дружили с ребятами из мужской 20-й школы. Там учился друг Мэры Саша Нодельман, он и его друзья входили в нашу компанию. Вечерами мы гуляли по улице Ленина, сидели в сквере или ходили в парк 1-го Мая. Вечерами в парке стоял аромат цветов, особенно чувствовался запах ночной фиалки, он проникал в душу и волновал. Мы любили гулять в тихую дождливую погоду, когда на улице было мало народу.

В 1946 году мама лежала в больнице в одной палате с Валентиной Ивановной Набатовой, которая ей очень понравилась. И когда мама вышла из больницы, она меня послала ее проведать. Набатова произвела на меня приятное впечатление и я стала ее часто посещать уже со своими подругами. Валентина Ивановна - 1918 года рождения, значит, ей тогда было около тридцати. Комсомольский работник, активист, она случайно стала инвалидом, не могла ходить. Позднее удалось приобрести специальный аппарат, она пыталась с его помощью передвигаться на костылях, но ноги все равно бездействовали. Несмотря на болезнь, она была жизнерадостным, веселым человеком с открытым лицом, сильной волей, чем и притягивала нас к себе. Мы ее считали Павкой Корчагиным. Особенно тяжелыми были посещения, когда она вдруг потеряла зрение, и нам приходилось прилагать усилия, чтоб поддерживать ее дух и самим там не расплакаться. К счастью, зрение потом восстановилось. Ходили к ней регулярно со мной Люся, Мэра, Вера и Оксана. Валентина Ивановна знала про все наши школьные дела, мы часто, сидя у нее в палате, рассказывали какие-нибудь курьезные случаи и все вместе хохотали. А смеялась она заразительно. Однажды мы пошли к ней после сильного дождя - бредем по нашим переулкам наверх, и где нет тротуара, чернозем прилипает так, что галоши слетают с ног, особенно у Мэры. Мы об этом Валентине Ивановне рассказывали в лицах и всем было весело. Когда шли назад, придумали привязать галоши белыми бинтами. И вот Мэра идет по липкой, черной грязи с белыми бантиками на ногах. Смеху было! Валентина Ивановна после больницы пустила к себе на квартиру на постой двух девушек, которые помогали ей по хозяйству. Ходить с аппаратом было не очень удобно, т.к. он был слишком тяжелый. Осталась фотография тех времен - Люся, я и Валентина Ивановна в своем аппарате стоим возле больничного корпуса и улыбаемся.

10-й класс (1947-1948).

В 10-м классе сменился преподаватель математики, пришел Михаил Сергеевич Ермаков - это был учитель высокого класса, очень эрудированный человек. Он и раньше преподавал в нашей школе, у него в 1942 г. учился мой дядя - молодогвардеец Виктор Третьякевич. В разделе о "Молодой гвардии" я привожу его воспоминания о Викторе. Мы с ним общались не только в школе, а встречались и на концертах в филармонии. В партийном архиве Луганска имеются его показания (положительные) о Викторе.

На Новый год в школе устроили маскарадный вечер, нужно было придумать костюмы, а возможностей тогда не было. У наших друзей

Кудрявцевых была соседка, старая женщина, которая когда-то жила за границей. У нее мы и попросили длинное платье, шелковое, желтого цвета с черным горошком, а также шляпу и ридикюль. На вечере я важно в маске прохаживалась по коридорам школы в этом наряде. Когда меня увидела химичка Ольга Игнатьевна, то язвительно сказала: "Старая дева".

В 10-м классе мы сдавали 10 или 12 экзаменов, очень боялись истории, потому что нужно было выучить к экзамену 42 билета. И учитель у нас был новый - Любчанский. Он странно ходил и странно говорил, мы даже над ним посмеивались. Хотя при этом понимали, что он был незаурядный человек с высоким интеллектом и большими знаниями. Поэтому мы его уважали. Но самый главный экзамен - это, конечно, сочинение. Как мы лихорадочно узнавали перед экзаменом темы сочинений! Накануне, уже поздно вечером, у меня собрались все мои подруги. Лиля Букина пришла в сопровождении отца, у него была большая палка в руках для охраны. Вскоре он прилег на диван и заснул, а мы бурно обсуждали все поступившие сведения по темам. У всех были какие-то бумажки с записями, которые каждый из нас доставал, где придется, и получалось, сколько записок, столько и тем. На одной бумажке оказалась такая тема: "Жизнь и деятельность товарища Плюшкина". Когда до нас дошло, что это шутка, и что Плюшкин не мог быть товарищем, смеялись до упаду. Утром, в день экзамена, у нас во дворе собрались не только мои подруги, а пришли и многие одноклассницы. Все были в белых фартуках, но форм у нас еще не было, кроме как у Веры, просто надели платья, близкие по фасону и цвету к форме. Между нами бегал мой четырехлетний братик Витя, его все звали "Масик" ("мальчик"), как он себя называл, когда еще только учился говорить, и радовался, что так много народа. Все девочки подзывали его: "Масик, Масик, иди сюда!" - чтоб он чмокнул в щечку, как благословение перед экзаменом. Когда уже двинулись гурьбой к школе в своих белых фартуках, нам встретились знакомые мальчишки, они тоже шли на экзамен в свою школу, и сразу нас окрестили: "Вот, идут официантки!"

На экзамене я выбрала свободную тему: "Кипучая, могучая, никем непобедимая" и написала сочинение явно неудачно. Я сделала акцент на Москве, описала свою поездку с папой в Москву в 1947 г., а надо было, видимо, писать больше о стране. Мне самой мое сочинение не нравилось, и я видела, что учительница, когда ходила между рядами и прочитала его черновик, не выразила на лице никакого удовольствия. Зато по устной литературе я ответила очень хорошо, мне попался мой любимый 10-й билет с любимым вопросом - Павел Власов и Павел Корчагин. На экзамене сидел представитель горно, и потом в газете меня похвалили. Из подруг запомнила Мэру, как она отвечала по "Войне и миру". Она с большим чувством рассказывала сцену встречи Болконского со старым дубом и тоже получила 5.

На экзамене по геометрии мне попался вопрос о параллельных, я небрежно их начертила на доске и получила замечание от математички Клеопатры Петровны - она, проходила мимо меня, когда я стояла у доски, и процедила сквозь зубы: "Как Вы начертили! Ведь Вы же метите на золотую медаль!". Она нас называла на "Вы".

Запомнилось, что очень легко и с удовольствием сдавала экзамен по немецкому языку, где нужно было на часть вопросов отвечать по-немецки.

Итак, я школу закончила с золотой медалью.

Когда готовились к выпускному вечеру, возникла идея попросить помощь у разных организаций, т.е. найти спонсоров. Мой папа работал в пищеторге и договорился, чтоб нам на базе выдали 3-х-литровую банку подсолнечного масла. Отец одноклассницы работал в горводопроводе, и с его участием нам выдали там 200 рублей. Мы решили также обратиться за помощью на кондитерскую фабрику, она располагалась по соседству со школой. В качестве делегата выдвинули Лилю Букину, как самую красивую. Она пошла к директору через парадный вход, где лестница поднималась прямо с улицы на второй этаж, а мы, несколько человек, ждали ее на улице. И вдруг она выбегает и почти кубарем скатывается по этой лестнице. Встретили ее там очень недружелюбно и в помощи отказали, а мы смеялись потом и по-всякому изображали, как нас погнали с кондитерской фабрики. В апреле 1999 года, более чем через 50 лет, я проходила мимо этого здания - его практически уже не было, стояли только стены. Кондитерская фабрика переехала давно на другое место.

На выпускной вечер мы пригласили ребят из 20-й школы, а они потом пригласили нас на свой вечер. Мама мне сшила платье из голубого шелка спортивного фасона, с накладными карманами. У Люси было платье из темно-синего крепдешина, но фасон не очень удачный - воротник стойка, длинный рукав, юбка расклешенная. У Мэры было комбинированное, тоже крепдешиновое, платье. К сожалению, не помню, какой наряд был у Веры - она всегда одевалась модно, ее мама, как и моя, хорошо шила. Но ребята отметили, что у меня было самое хорошее платье. О белых платьях почему-то никто не думал, шили из того, что имелось. Все тогда были сверхскромные, ведь после окончания войны прошло только три года.

Кратко о будущем нашей шестерки:

Лариса стала математиком. Училась, жила и работала в Киеве, вышла замуж, детей не было. Стала кандидатом наук, издала книгу. Недавно муж умер, она уже не работает. Мы с нею переписываемся, когда я приезжаю в Луганск - получается два-три раза в год.

Мэра сначала училась в Москве в Менделеевском институте, но проучилась там недолго. Она жила у теток, приходилось прятаться в шкаф, когда приходила с проверками милиция. Уехала в Ворошиловград, там поступила в сельхозинститут и окончила его. Вышла замуж за школьного товарища Сашу Нодельмана. У них двое сыновей, внук и внучка. 28-го апреля 1999 г. они с семьей младшего сына уехали в Израиль. Судьба распорядилась так, что я их застала перед отъездом, как раз приехала на побывку в Луганск, когда они уже сидели на чемоданах. Теперь у меня в Луганске не осталось ни одной школьной подруги.

Лиля окончила Харьковский авиационный институт, работала сначала в Ельце, потом в Ворошиловграде, здесь вышла замуж, есть дочь и сын, внуки. Внуки учились в Израиле, в 1997 г. туда уехала с дочкой и Лиля с мужем. Последние годы, когда снесли их дом в Самолетном переулке (Куракина) и

наш на 6-й линии, она жила недалеко от моей мамы и они часто встречались. Я тоже с нею увиделась незадолго до ее отъезда.

Вера начала учиться в Москве в инязе, снимала угол. Продолжила учебу в Куйбышеве, где жил ее отец с другой семьей. Вышла замуж в Ворошиловграде за товарища из нашей компании - Рому Любеткина. Он стал военным и они переезжали из города в город (Ефремов, Рязань, Иваново). У них дочь Ира и внук Рома. Изредка мы переписываемся.

Люся поступила в Менделеевский институт, как и я, только на другой факультет - топливный. Мы жили в одной комнате в общежитии в Головановском переулке. Вышла замуж за художника Николая Сурина, они после учебы жили и работали в Челябинске. У них трое сыновей. Старший Алеша погиб, кто-то на него на улице напал с ножом. Двое других - Митя и Тима - близнецы. Они родились на грузовой машине по пути из деревни в город, а роды принимал сам отец. Митя пошел в отца, стал художником, а Тима - геолог. Муж Люси умер в 1993 году, а Люся 17 февраля 1996 года. Когда я была в Челябинске в командировке в 1971 г., там проходила выставка картин Николая Сурина. Мне очень понравилась картина, где изображено крыльцо храма из Переяславля - Залесского. Сурин в следующем году мне ее подарил. Мужу она тоже очень понравилась. Теперь смотрю на нее и вспоминаю Суриных.

Я поступила без экзаменов в МХТИ им. Менделеева на органический факультет, окончила кафедру эластомеров в 1953 г. По распределению попала в Дзержинск Горьковской области, где проработала в НИИ полимеров более 33-х лет, до пенсии в 1986 г. Вышла замуж за дзержинца Женю Самарина, он работал в том же институте. У нас двое детей, сын и дочь. Наши внуки: у сына - Алеша и Оля, у дочери - Лена. Женя умер от инфаркта 12 октября 1995 г., не дожив до 67 лет.

ОКСАНА ИЗАКОВА. 1946 - 1948 г.

Когда я училась в 9-м классе, в 8-м появилась высокая красивая девочка Оксана Изакова. Мы подружились. Ее отец Николай Романович в Ворошиловграде временно работал директором завода горного машиностроения им. Пархоменко, его послали помогать восстанавливать завод. Они - москвичи, у них в Москве было две комнаты в коммунальной квартире на 6-м этаже в доме по Фурманному переулку. Брат Николая Романовича - Борис Изаков - известный журналист и переводчик, в т.ч. и произведений Джеймса Олдриджа.

Мама Оксаны - Оксана Федоровна Христова - была арестована в 1939 г, а через 6 лет освобождена. Это была высокая, представительная, интересная женщина и очень серьезная. Ее репрессировали из-за двоюродного брата Левонтия Христова, который был участником банды "зеленых" на Украине в годы гражданской войны.

Мы с Оксаной разные по характеру, но нас влекла друг к другу, наверное, внутренняя невидимая связь, может быть, наши души так стремились друг к другу. Не знаю. Но мы должны были каждый день увидеться, поговорить, обменяться мнениями. Она имела сильный характер, я ей подчинялась, а она

считала, что подчиняется мне. Наверное, это было взаимно. Была смелая, непосредственная, прямолинейная и красивая. Ярче всего я ее вспоминаю из тех лет в васильковом шелковом платье-костюме, когда она исполняла под аккомпанемент фортепиано на школьном вечере отрывок "Гонимы внешними лучами". Оксана часто приходила к нам, моей маме она нравилась. А я даже сочинила вещицу на пианино и посвятила ей. Почему-то я решила, что это индийский танец и назвала его "Индузио". Когда я его наигрывала, Оксана изображала, что танцует. А сочинился он сам собой: мне было задано перевести "Жаворонок" Глинки из одной тональности в другую и при этом незаметно получилась другая мелодия - родился индийский танец. Я удивилась, что Оксана об этом не помнит, как она сказала при нашей встрече в 1997 г. Мою бесхитростную мелодию сейчас играют мои внуки.

В 1948 г. мы с Оксаной на зимние каникулы поехали в Москву. Ее отец достал нам купейные билеты. Кроме чемоданов, у нас был рюкзак с продуктами для ее брата Мая, который жил в Москве с женой Люсей. Проехали два часа от Ворошиловграда, доехали до Старобельска, и тут нам объявляют, что наш вагон неисправен, его должны отцепить от состава, а всем пассажирам необходимо перейти в другие вагоны - уже не купейные, а общие. Все лихорадочно стали бегать по вагону и вдоль поезда. Мы не смогли сразу все вещи захватить с собой, взяли чемоданы, сумки, а рюкзак пока оставили. С трудом добежали до вагона, куда проводница нас, наконец, пустила. В вагоне ехало много военных, они нам помогали. Пока Оксана устраивалась, я побежала назад за рюкзаком. Пробежалась по вагону, ничего не нашла и пошла на выход. Тут мучилась одна женщина, которая никак не могла справиться со своим грузом - у нее была большая прямоугольная корзина с крышечкой, как сундук, в которой она везла посуду. И этот груз она пыталась вытащить из вагона. Корзина разъехалась, из нее сыпались тарелки, женщина плакала. Я пыталась помочь, но вещь была совершенно неподъемная и вся разваливалась. Я только дала ей совет, что нужно позвать носильщика, и помчалась в свой вагон, боялась, что Оксана уедет без меня. Узнав, что я не нашла рюкзака, Оксана не захотела его терять и побежала сама искать. К моему удивлению, она нашла рюкзак, оказывается, его кто-то перетащил в другое купе, но не успел вынести. Наш новый вагон плотно набился людьми, один из военных уступил нам верхнюю полку, и мы с Оксаной спали на ней по очереди, а укрывались шинелью. Всю дорогу беседовали с военными, смотрели в окно, а за окном белели поля, всюду снег, снег. Наши собеседники с интересом вели с нами разговоры и восторгались нашими с Оксаной отношениями, говорили: "Вы не как подруги, а как сестры".

В Москве мы жили в семье брата Оксаны Мая. Он учился в университете на физфаке, его жена - на биофаке. В это время к ним забегала московская подруга Оксаны, которая жила в соседнем подъезде, Алла Гербер. Она была всегда оптимистично настроена и восторгалась статьями в "Правде" Юрия Жукова и Бориса Изакова (дяди Оксаны). Я вспоминаю, что мне тоже нравились их публицистические статьи. Позднее, в 70-х годах, я увидела Аллу Гербер на страницах журнала "Юность", а в 90-х вижу ее активным политическим деятелем, сподвижником Егора Гайдара.

В Москве Оксана угощала меня кедровыми орехами, я их попробовала впервые в жизни и, не зная меры, слишком много их съела. В результате в театре Вахтангова на пьесе "Глубокие корни" я большую часть времени провела в туалете. Однако помню, что в пьесе играли известные актеры: Андрей Абрикосов - он мне нравился по фильмам, - Цецилия Мансурова и Людмила Целиковская. Мансурову я не оценила, как великую актрису. Мне не понравилась ее полусогнутая фигура и резкий некрасивый голос. Хотя позднее в пьесе "Филумена Монтурано" она мне больше понравилась, но голос остался для меня таким же некрасивым.

В Луганске Оксана подружилась с моими школьными подругами и нашими знакомыми ребятами. Один из них остался влюблен в нее с 8-го класса до сих пор. Вместе с нами она тоже любила прогуливаться под дождем. Нас с нею называли "влюбленной парочкой", настолько мы бережно относились друг к другу.

Оксана. 1948 - 1953г.

Я закончила школу в 1948 г., а Оксана в 1949 г. Когда она училась в 10-м классе, ее маму снова арестовали просто за то, что она уже была раньше арестована. Тогда по всей стране прокатилась такая волна. Оксана мне написала в Москву, где я училась в институте, подробности ареста: как ночью пришли за мамой, как она должна была при чужих людях одеваться, как испугалась сама Оксана. Маму отправили далеко в ссылку в Красноярский край под Ачинск. Еще раньше она рассказывала своим, что ее на допросах били по голове.

После окончания школы с золотой медалью Оксана поступила на юридический факультет МГУ, возможно, надеясь, что это поможет ей в дальнейшем в освобождении мамы из ссылки. Во время учебы она участвовала в студенческом театре МГУ и однажды мы - ее отец с женой и я с подругой Оксаной Николаевой - ходили на спектакль "Машенька", где Оксана играла роль матери героини пьесы. Вообще у нее было много тогда увлечений. Помимо театра, занималась английским языком, посещала мастерскую Герасимова - известного ученого по восстановлению образа человека по его костям. Это он создал образ Ивана Грозного по его черепу. А уже после окончания университета, когда она не могла устроиться работать юристом, она пошла учиться на курсы стенографии, чтоб приобрести новую специальность.

Каждый день у Оксаны был расписан по часам, и этот порядок она выдерживает всю жизнь, в чем я убедилась, встретившись с нею в 1997-1999 г.

Итак, наша дружба после школы продолжалась уже в Москве. Оксана жила в семье брата и с ними была их бывшая няня Настя, теперь настоящий член семьи. Мы часто ходили в театр и на концерты, а больше встречались у них дома. Отец женился на красивой женщине и ушел от них. Обычно после праздничных демонстраций я шла к ним и оставалась ночевать. В таких случаях мы с Оксаной спали вдвоем на одной кровати. Настя специально для меня готовила борщ. Брат Оксаны Май - очень симпатичный молодой человек и очень правильный, чем вызывал у меня особое к нему уважение. Еще когда мы учились в школе, он приезжал в Ворошиловград к родителям, и Оксана привела

его в школу, он был старше нас на 7 лет - высокий, красивый, в военной форме. Вечерами мы втроем прогуливались по городу. А в Москве он обычно подшучивал надо мной, как над будущим химиком, доказывал, что физика - это наука, а химия - нет. Свою симпатию к нему я проявила в том, что на один из его дней рождения 19 апреля подарила модную в то время коричневую велюровую шляпу.

Оксана иногда приходила ко мне в общежитие с ночевкой, поэтому с ней были знакомы мои институтские подруги. В нашем общежитии в Головановском переулке, в 6-м корпусе, где я жила, раньше жили студенты - скульпторы, которые все стены коридоров разрисовали картинами с изображением богов и мифологических героев в раздетом виде. Оксана решила их одеть в разноцветные одежды и, примерно в полночь, чтоб никто не видел, мы с нею вышли в коридор с красками и кисточками. Она разрисовала фигуры в спортивном духе, на майках изобразила эмблемы спортивных клубов. Утром мы ждали, когда же начнется реакция общежития, но не дождалась. Невнимательные студенты сновали по коридору то в кухню, то в туалет, не глядя на стены и не замечая нашей работы. Только на следующий день до некоторых дошло, что картины на стенах приобрели другой вид.

Оксана Изакова и Берия.

1 мая 1953 года. Первая демонстрация без Сталина. Я шагаю по Красной площади в колонне нашего института. Идем грустные, кричим "Ворошилов", "Молотов" - рады, что хоть они стоят на мавзолее. Я вглядываюсь в Берию. Он обратил на себя мое внимание тем, что стоял угрюмый, опустив голову. На голове - шляпа, на шее - белый шарф и он совершенно не улыбался, в то время как другие на трибуне приветливо нам махали рукой. После демонстрации иду, как всегда, к Оксане. Там праздничный обед, жена Мая Люся испекла вкусный пирог, рецепт которого обсуждался с соседками. Потом мы сидим с Оксаной на маленьком диване, разговариваем, а Настя мне жалуется: "Что с нею стало! Нервная такая. Как только звонок по телефону, бежит, сбивает всех с ног". Когда мы остались одни, Оксана с серьезным и озабоченным видом говорит мне: "Если б ты знала, с кем я познакомилась..." И тут происходит чудо. Я, видимо под впечатлением от демонстрации, полушутя с улыбкой говорю: "Уж не с Берией ли?" Она скатывается с дивана на пол, с ужасом восклицает: "Откуда ты знаешь?" Тут уже и я испугалась, говорю, что ничего не знаю, что сказала просто так. Постепенно мы успокоились, а Оксана пыталась объяснить это тем, что мы очень хорошо знаем и чувствуем друг друга. И рассказала подробно следующую историю.

Как-то после занятий в университете студенты шли гурьбой по улице Герцена и, когда подходили к особняку Берии у Никитских ворот, заговорили о нем. Оксана сказала: "А с ним вполне можно здесь и встретиться". В это время подъехала машина и из нее вышел сам Берия. Оксана от неожиданности посмотрела прямо ему в глаза и произнесла: "Вот и встретились!". Спустя некоторое время ей звонят домой по телефону и мужской голос с сильным грузинским акцентом произносит: "Вас хочет видеть Лаурэнтий Павлович". Ну и дальше было назначено время и состоялась первая встреча с Берией. Оксану

возили на машине, впереди рядом с шофером сидел грузин-полковник, который и звонил ей каждый раз. Оксана побывала у Берии два раза в особняке и один раз в кабинете на Лубянке. Рассказывала, что первый раз в особняке она просидела три часа, листая журналы на столе и ожидая его приезда с работы. Когда он приехал, у него был усталый вид, он снял галстук, засунул его в карман и прошел в другую комнату, где разговаривал по телефону. Она слышала, что разговор шел о Берлинской стене. При следующей встрече, Берия угощал ее ужином и они играли в шашки. Когда он ее провожал домой, то повел через другой ход. При этом они прошли через комнату, в которой стояла громадная кровать. При этой встрече Оксана рассказала ему о своей маме, о том, что она несправедливо арестована. Берия в ответ на это рекомендовал ей обо всем написать и принести бумагу на Лубянку, что она и сделала. Он ее принял в своем кабинете и лично взял то, что она написала. Здесь на нее произвел впечатление громадных размеров портрет Сталина - от пола до потолка. Рассказывая о знакомстве с Берией, Оксана говорит, что он не приставал к ней и не трогал, хотя этому и не верилось. А маму все же освободили из ссылки досрочно, в 1952 г., еще до смерти Сталина. Когда объявили о расстреле Берии, Оксана сказала, что ей стало его жалко.

Как мы обманули НКВД.

Во время экзаменационной сессии после сдачи очередного экзамена я пришла к Оксане. А она, вся дрожащая, говорит, что вечером ее снова должны везти к Берии. Мне загорелось посмотреть на эту процедуру. Перед тем, как за нею должна была приехать машина, мы вышли во двор, и я с цветами в руках, которые мне подарила Оксана, - тюльпаны и сирень - пошла по Фурманному переулку. Дошла до института Гельмгольца, еле открыла тяжелую дверь и за нею притаилась, выглядывая в щель. Вижу, что черная машина проехала к дому Оксаны. Я немного подождала и вышла из института. Пошла скорее на Садовую, чтоб успеть придти к Харитоньевскому переулку к моменту, когда из него будет выезжать машина с Оксаной. Все было рассчитано точно: когда я подходила к этому месту, машина уже приближалась. Перед выездом из переулка на Садово-Черногрязскую она замедлила ход. Я стояла с цветами в руках и выразительно смотрела на Оксану. Она сидела сзади одна в летнем цветастом платье и тоже посмотрела на меня. Но ведь был уже вечер и наши взгляды никому не были видны. Впереди рядом с шофером сидел злополучный полковник. Машина медленно выехала на Садовое кольцо, а я пошла к метро "Красные ворота".

После окончания института я ехала из Москвы в гости к тете в Сумы и в вагоне поезда по радио сообщили об аресте Берии. Я сразу подумала о маме Оксаны, что вдруг ее снова отправят в ссылку. Вспомнила, как она своим близким раньше говорила, что если это повторится, она больше не выдержит. К счастью, все обошлось, и даже отец вернулся к ней.

В 1997 г. я прошла по Фурманному переулку, вспоминая события 44-летней давности. Все двери института Гельмгольца, выходящие в переулок, наглухо заперты и покрыты многолетней пылью.

Сохранилось несколько писем 8-9-летней Оксаны и ее 16-летнего брата, которые они писали своей маме в лагерь в 1940-41 годах. Приведу отрывки.

На конвертах стоял адрес: Коми АССР, Устьвымский район, село Межог, п.я. 219-4, О.Ф. Христовой.

Из писем Оксаны, ученицы 2-го класса, май 1940 г.

"Дорогая мамуленька!

Ты не можешь себе представить, как я по тебе соскучилась. И какая мне радость, когда ты присылаешь письмо. Мамуля, по всем предметам у меня "отлично", только пение "хор".

В другом письме: "Милая мамочка! У меня большая радость, я тебя, моя милая мамочка, тоже порадую. Я закончила учебный год очень хорошо и получила премию - бюст Сталина, две книги, записную книжку и пенал". Письма обычно заканчиваются словами: "Целую крепко-крепко-крепко. Твоя Ока. Оксанка - Каштанка".

Делается не по себе, когда читаешь эти строки - ребенка награждали бюстом человека, по воле которого мать была невинно арестована.

Письма брата Мая отличаются большой серьезностью и ответственностью. Он по-своему пытается приободрить мать.

"3.05.40

Здравствуй, дорогая мамочка!

С огромным удовольствием узнали мы, что ты уже доехала до места назначения и скоро начнешь работать...Мы все тебя любим по-прежнему, вспоминаем каждую минуту. И сейчас, когда я пишу эти строки, ты улыбаешься мне с фотокарточки, лежащей прямо передо мной на столе. И я уверен, что скоро я буду видеть по-настоящему эти милые зеленые глаза и мне хочется, чтобы ты была всегда такой же улыбающейся, бодрой и несгибаемой никакими жизненными трудностями и неудачами... Сегодня идем к Генриху (Эйхлеру - о нем отдельная глава - Е.С.). Они по-прежнему остаются нашими лучшими друзьями. Завтра пойду получать паспорт. Ведь мне уже 16 лет! Как быстро летит время, как изменяется все кругом. Даже несчастья идут на пользу человеку, закаляя его характер. "Не познаешь сладость жизни, не вкусивши горечь бед" - сказал Руставели. Пусть мы разлучены с тобой, тем больше будет радости при встрече. Не забывай же нас. Помни, что каждую минуту о тебе думает твой Май".

Из другого письма Мая Изакова матери:

"Дорогая мамочка! Я хочу, чтобы ты, читая это письмо, вспомнила нас всех с радостью и улыбнулась так, как улыбаешься на карточке. У нас все хорошо. Комнату нашу распечатали, и у нас снова просторно и уютно... Папа по-прежнему много работает. В дополнение к работе на заводе и в институте еще пишет сейчас книгу. Представляешь себе книгу: "Восстановление инструмента" с надписью сверху "инженер Н. Р. Изаков"?

В этом письме Май пишет о Генрихе Эйхлере: "Генрих кроме редакционной работы пишет разные главы о детской литературе для вузовских учебников по литературе. Недавно читал в институте литературы и языка лекцию о К. Чуковском. Говорит, студенты были очень довольны, а аспиранты

захвалили. Говорит, будет писать диссертацию о Шевченко и будет защищать на кандидата, а то пропадет его аспирантская работа".

Далее о себе: "В первом туре физической олимпиады решил все задачи и таким образом прошел во второй; второй, конечно, будет раз в десять труднее, а третий совсем жуткий, ну, да ничего, надо попробовать свои силы. На московских гимнастических соревнованиях набрал 43,48 из 50 возможных - для первого выступления неплохо, верно? До свиданья, еще раз целую. Твой Май".

Из письма от 20.06.40.

"...Пришли поскорее заявление. Я уверен, что его разберут, и все окончится благополучно. Я твердо знаю, что все случившееся с тобой - просто досадная ошибка, которая не может не исправиться в скором времени. Я горжусь своей мамой, которая все несчастья принимает как испытания, закаляющие человеческую душу. И в своей будущей жизни я постараюсь также стойко с высоко поднятой головой переносить все несчастья, которые выпадут на мою долю. Береги себя как следует и надейся, что мы скоро увидимся.... Как я завидую папе, который увидит тебя раньше нас всех, т.к. он добивается разрешения на свидание с тобой. Генрих обещал достать хорошую книгу и я пошлю ее тебе бандеролью...".

Надежды Мая на скорое освобождение мамы не оправдались - Оксана Федоровна отсидела при первом аресте шесть лет, а при повторном - отбыла в ссылке четыре года. Когда маму арестовали вторично и сослали в Красноярский край, то ее дочь - уже 20-летняя Оксана - отважилась поехать к ней. Пришлось много преодолеть трудностей, пока она туда добралась: 10 дней на поезде до Красноярска, потом до Ачинска на попутных машинах, где надо было отбиваться от назойливых дорожных ухажеров, и, наконец, на телеге до пункта назначения. Так Оксана все-таки с мамой встретилась.

МОСКВА. ИНСТИТУТ.

Август 1948 г.

Захотелось мне учиться в Москве, причем без конкретного выбора института. В Ворошиловграде было три института: педагогический, машиностроительный и сельскохозяйственный. Мне ни в какой из них идти не хотелось. Удивляюсь, что я, довольно робкая по натуре, отважилась уехать из дома и еще больше удивляюсь родителям, которые безропотно согласились меня отпустить. В Москве пошла первым делом в университет на Моховой улице, на географический факультет. Потому что любила географию и потому что считала, что учиться нужно только в университете. Поскольку я была с медалью, мне не нужно было сдавать экзамены, а нужно просто пройти собеседование. Я прокрутила в голове возможные серьезные вопросы, а сама думаю о пустяках, стоя в коридоре и ожидая своей очереди: "А вдруг повезет, и меня всего лишь спросят, что такое холм?" И какое же было мое удивление и почему-то разочарование, когда на комиссии задали именно этот вопрос и никакой больше. Мне так сразу стало неинтересно, что захотелось идти на этот факультет. И я пошла на биофак. Там для иногородних ввели ограничение - на первом курсе нужно было жить на частной квартире, а потом уже давали общежитие. Я даже нашла квартиру (угол) на Красной Пресне, но что-то

потеряла интерес и к биофаку. Так я постепенно добрела до Миусской площади, где и увидела МХТИ им. Менделеева. Вспомнила, что подруга Люся Перегонцева поступает сюда, и вошла в здание института. Там я безоговорочно пошла на факультет органической химии, имея в виду в дальнейшем заниматься пластмассами. В заявлении, которое требовалось написать при поступлении, я этим и объяснила свое желание заниматься химией. Меня приняли без экзаменов и без собеседования, и предоставили общежитие в Головановском переулке, в 5-м корпусе. Сдала документы и с чувством выполненного долга вернулась до начала занятий в Ворошиловград.

Как раз когда я была в Москве, в Тушино состоялся авиационный праздник, который мне захотелось посмотреть. Я тогда жила у своей тети в Загорянке, где они снимали жилье на время учебы ее мужа дяди Феликса в Высшей партийной школе. Им не хотелось меня отпускать, но я все-таки поехала. Как добиралась тогда до Тушино не помню, помню только, что от метро "Сокол" ехала долго на трамвае. На Тушинском аэродроме толпы людей разместились на поле, сидя на траве и, задрав головы, наблюдали полеты различных новых самолетов. Особенно страшно носились истребители. Перед каждым вылетом голос диктора объявлял, кто сидит за штурвалом, и перечислял заслуги летчика. Когда все кончилось, пришлось долго идти вереницей по дороге. Я нервничала, т.к. знала, что тетя будет волноваться, но перегнать толпу не могла. Когда плелись по дороге, вдруг все вздрогнули от неожиданности - из пушек, стоящих возле дороги, грянул салют. Пока я добралась до Загорянки, стало совсем темно. Тетя с дядей бросились меня ругать, но я ведь была не виновата.

В общежитии меня сначала временно поселили в кухне, где стояли две газовые плиты, но газ еще не был подключен. Со мной жили две девушки с другого факультета - Клава Пухова из Мурома и Нина Гетман откуда-то из Сибири. Нина была на фронте, имела маленькую дочь, которая осталась с родителями. С мужем она не успела зарегистрироваться, как он погиб, когда машина с солдатами подорвалась на mine. Они жили беднее меня: Клаве мать в письме присылала 50 рублей в месяц, а Нина жила только на стипендию. И еще старалась иногда собрать посылочку для дочери. Примерно за десять дней до стипендии она занимала у меня 50 рублей, а потом из стипендии отдавала. А мне родители присылали 300 рублей в месяц, иногда и побольше, благодаря чему я смогла активно посещать театры и концерты. Мои соседки учились прилежно, зубрили и старались всюду в отличие от меня. У меня время как-то протекало сквозь пальцы, я могла вместо подготовки к экзаменам просто сидеть и мечтать неизвестно о чем с учебником в руках. Как правило, перед экзаменом приходилось не спать ночь. И когда я после такой ночи получала 4 или даже 5, Нина Гетман удивлялась: "Надо же, ничего не учила, а получила четверку!".

А вообще настроение у меня в первый год учебы было тоскливое. Я очень скучала по дому, ходила регулярно на центральный телеграф звонить родителям в Ворошиловград. Еду на эскалаторе, вспоминаю дом, а по лицу катятся слезы. И это несмотря на то, что в первый год учебы в Москве оказалось много друзей из Ворошиловграда. Тогда поступило несколько наших ребят в МЭМИИТ, и в нашем институте было трое школьных друзей. Мы

довольно часто общались, ездили в гости, отмечали дни рождения. За столом пели патриотические песни, особенно горланили: "Сталин и Мао слушают нас! Москва - Пекин, Москва - Пекин!". Но из наших пятерых ребят институт в Москве закончил только Женя Кирш, а из девчат - Люся и я. Остальные продолжали учебу или в Ворошиловграде или в других городах. Большой радостью было получить первое письмо. Почему-то родители мне писем не писали, а просто присылали денежные переводы, ну и я часто им звонила. И вот однажды я вхожу в комнату, и мне вручают обычную простую открытку. Я так обрадовалась и разволновалась, хотя открытка была просто от папиного товарища, друга нашей семьи, секретаря по пропаганде Ворошиловградского обкома партии Шевчука Н.С. Слова общие, почерк очень аккуратный, но мне было приятно, что он мне написал. Видимо, специфика его работы по идеологии, обязывала его относиться заботливо к людям.

В 1949 г. в кухню подвели газ и нас расселили по разным комнатам. Я попала в красный уголок, где нас оказалось 15 человек. Одна из девочек - Оксана Николаева - впоследствии стала моей близкой подругой, другая - Юлия Лисицына (Кочанова) стала в нашем Главке, когда я уже работала, начальником отдела техники безопасности. Зина Добровольская, которая на 4-5 курсах была старостой группы, живет в Дзержинске, где мы до сих пор с нею встречаемся. Жила в уголке и высокая красавица с удивительными серо-голубыми глазами - Ира Амельчиц. Она потом работала в Тольятти, с нею по работе соприкасались многие мои друзья и коллеги, и все были от нее в восторге. И в немолодом возрасте она оставалась красавицей. Моя подруга Оксана, глядя на Иру, сказала: "Глаза, как озера". Но в июне 1996 г., в Тольятти, Ира скоропостижно умерла, собираясь ехать в сад. К Ире в красный уголок часто заходила ее подруга и землячка Люба Лихоманова - они обе были из города Клинцы Брянской области. Так я познакомилась с Любочкой, моей подружкой и незаменимой спутницей по музыкальным дорогам. Когда стали расселять красный уголок после окончания учебного года, Люба меня сагитировала перейти в ее комнату. Ее соседки, две девушки-азербайджанки, окончили институт и поэтому освобождалось два места, на которые пришла я и моя школьная подруга Люся Перегонцева. Люба рассказывала, что часто спорила с азербайджанками о музыке, которые говорили: "Что ваш Чайковский! Вот наш Гаджибеков...". Она также с удивлением наблюдала, как они периодически спичкой выжигали волосы подмышками.

Четвертой в комнате была пятикурсница Зина Дунавецкая, мне нравилось ее полное имя - Зельда Ицковна. Оказалось, что ее дядя виолончелист Березовский играл в Государственном симфоническом оркестре, а у нее самой был неплохой высокий голос. Она хорошо играла в шахматы, побеждала мужчин. Жаль, что после ее распределения и отъезда на Урал в Березники, мы не переписывались и потеряли друг друга. Ее место в комнате заняла Таня Новоселова - спортивная красивая девушка со вздернутым носиком и с хорошим характером. Итак, состав нашей 183-ей комнаты был таким: Люба Лихоманова, Люся Перегонцева, Таня Новоселова и я. Когда мои родители в 1951 г. приехали в Москву на три года, пока папа учился в Высшей торговой школе, я, в основном, жила с ними на частной квартире, а на мою кровать в

общежитии перешла из другой комнаты наша подруга Румана Валеева, или попросту - Ромашка. Если я приходила в общежитие с ночевкой, например, после театра, то мы спали с Ромашкой на одной кровати валетом. Румана была спокойной и рассудительной и в то же время романтической натурой. Еще в школе она занималась гимнастикой и в институте выступала на вечерах с акробатическими номерами. Вечера проходили в большом актовом зале института. Всегда выступал хор с замечательным солистом-баритоном студентом Эдуардом Гашниковым. Он одновременно учился в консерватории. Румане он очень нравился, она тайно о нем вздыхала издали. О таланте Гашникова написал хорошо наш бас Иван Петров в книге воспоминаний - "Хотя он и не стал петь в профессиональном театре, а стал доктором наук, но выступал в народном театре."

Живем в комнате коммунальной, складываемся по 200 рублей после получения стипендии и тратим их на еду. Когда они кончаются, то дальше перебиваемся как придется, у кого что есть. Обычно первым делом шли на Ленинградский рынок и покупали 10 кг картошки, это получалась полная большая авоська, тащили ее вдвоем. Пока были деньги, покупали в магазине мясо и делали гуляш, часто пекли блины. Винегрет смазывали не маслом, а майонезом, мы его раньше в нашей провинции не знали. Вечерами решали, что лучше купить - котлеты или мороженое. Любе из дома часто присылали с проводниками поезда корзину с продуктами. Вот это был праздник для всех нас! Корзина была неподъемная, Любе всегда помогала тащить корзину с вокзала Румана. В корзине обычно было следующее: горшок с котлетами, залитыми жиром, банка сметаны, огурцы, зеленый лук, редиска. Всего было помногу. Мы обычно делали салаты, разогревали котлеты и все дружно уплетали.

Зимой в нашем студгородке открывался каток. Тут раскрылись таланты у Любы и Руманы - они, оказывается, умели виртуозно кататься на коньках. Причем их больше привлекал скоростной бег. Поэтому они приобрели себе длинные коньки - их называли "ножи" или "норвеги" и гоняли с большой скоростью по льду. На них смотрели многие с завистью.

Однажды после лекции по физхимии, где профессор Сергеев часто упоминал имя ученого Бетти Бриджмена, мы в нашей комнате, шутя, основали физико-химическое общество, переименовав иностранных ученых на свой лад: я стала Петя Бриджмен, Люся - Федя Тронтон, Таня - Гришка Гельмгольц и Люба - кажется, Гей-Люссак. Начали выпускать альбом с зарисовками наших заседаний и просто разных событий. Зарисовки делала Люба. В частности, она нарисовала, как мы с нею после балета "Щелкунчик" изображали "Арабский танец" с нашим полосатым половиком. Мы держали его над головой, как это делали танцовщицы в балете, и танцевали. Впоследствии постановка этого танца в Большом театре изменилась.

В 1950 г. наш курс ходил на строительство "Белорусской-кольцевой" станции метро. Нам выдали высокие резиновые сапоги, мы ходили по колено в воде, заходили в маленькие двери в стене возле рельсов и там шлепали тоже по воде в полутемном подземном помещении. Нашим заданием было переносить облицовочные плиты, которыми выложен потолок станции. Осталась

плохонькая любительская фотография этого мероприятия. Большим событием было открытие в 1951 г. кольцевой линии метро. Мы всей комнатой поехали посмотреть новые станции. На каждой из них весь поезд полностью выгружался и загружался новыми людьми, которые уже посмотрели эту станцию. Основное мнение было такое: самая лучшая, помпезная станция - "Комсомольская". Очень многие на первое место ставили "Таганскую", а мне понравилась "Серпуховская", потом ее переименовали в "Добрынинскую". У нее красивый нежно-розовый цвет, под старину сделано оформление зала в виде сводов. На "Калужской" мне понравилась в конце зала синяя подцветка бюста Пушкина за чугунной решеткой. Позже эту станцию тоже переименовали, назвали "Октябрьской". На "Комсомольской" на потолке среди мозаичных картин был и портрет Сталина, который потом заменили другим изображением. Одновременно открыли и новую станцию "Арбатскую", там, в верхнем вестибюле был тоже огромный портрет Сталина во весь рост, в военной форме.

В 1951 г., когда я ушла из общежития к родителям, а на мое место перешла Румана, в это время в соседней комнате поселились студенты-художники из Суриковского училища, возникла какая-то романтическая атмосфера, повеяло в нашей химической среде чем-то новым. Мои девчонки жили с ними в дружбе и в результате получилось две семьи - Румана вышла замуж за Спартака Киприна, потом они жили в Свердловске, а Люся вышла замуж за Николая Сурина. Они после института обосновались в Челябинске. Там же жила и работала Люба. Таким образом, три мои подруги оказались на Урале. Я Румане говорила, что со Спартаком она соединила свою жизнь благодаря мне - если б я не ушла к родителям, она не перешла бы жить в нашу комнату и, возможно, у нее не получилось бы близкого знакомства с художниками. Ребята-художники относились ко мне хорошо, и даже хотели рисовать портрет, особенно, на них произвел впечатление мой вид в церкви, в Успенском соборе Владимира. Мы с Любой бегали туда послушать пение. Там невольно получался набожный вид и взгляд, это и понравилось Сурину. Он сказал: "Надо тебя нарисовать в церкви".

В Москве родители жили недалеко от завода "Красный богатырь", снимали жилье в частном доме - тогда там были частные дома и деревенские улицы, покрытые травой, по которым виртуозно гонял на велосипеде мой брат Витя. Ему было 9-10 лет. Я с ним любила ходить в зоопарк и, как вспоминал он потом, приучила пить соки в буфетах метро, особенно томатный. Эти буфеты выглядели богато и привлекательно. Сейчас их нет. У родителей была радиола и мы с Оксаной часто ставили пластинки. Однажды "Рондо" Моцарта крутили непрерывно, до того оно в тот момент соответствовало нашему настроению.

Учеба в институте.

Особого рвения к учебе не проявляла, хотя училась неплохо. Перед экзаменами обязательно сидела последнюю ночь, потому что не умела распределить правильно время, особенно на первых трех курсах, и шла сдавать первой. Вернее, третьей - первыми всегда были Майя Перцовская и Зоя Хрущева, они готовились вместе и тоже не спали последнюю ночь, а сдавали только на пятерки.

Хотя я неважно чертила, но любила находиться в "чертилке", где студенты оставались после занятий делать курсовые работы. Обычно при этом хором пели спокойные мелодичные песни, чаще русские народные. Больше всего любили песню "По диким степям Забайкалья". Получалось красиво.

Неорганическую химию на 1-м курсе читал Капустинский А.Ф., если не ошибаюсь, он был член-корреспондент АН. Первое время, примерно с полгода, студенты ломались на его лекции, даже сидели на ступеньках и аплодировали. Он умел соединять химию с популярными известными моментами из политики и заканчивал лекцию с пафосом. Однажды под занавес даже упомянул Андрея Януарьевича Вышинского, чем сорвал аплодисменты. Мне первое время очень нравились его лекции. Потом народ раскусил его, на лекции стало ходить мало студентов, потому что как раз химию он читал очень поверхностно. Может быть, мы не могли оценить его масштабность, ведь он даже входил в редакционный состав Большой Советской Энциклопедии. Нам еще не нравилось, как работала его ассистент на лекциях, почти на 50 % она не могла провести демонстрационные опыты с положительным результатом, что совершенно не смущало Анатолия Федоровича. Он тут же объяснял, почему опыт не получился.

Директор института Николай Михайлович Жаворонков, яркий красавец-брюнет высокого роста, ходил в модной зеленой велюровой шляпе. Примерно лет через двадцать, уже будучи академиком, он читал во Дворце культуры Дзержинска лекцию о развитии химии. Я сидела в первых рядах и увидела, что он мало изменился внешне, был таким же представительным, но лекция оказалась неинтересной, общей, да и сам он был, похоже, слегка в нетрезвом виде. Наверное, у нас, простых смертных, слишком высокие требования к академикам.

В вестибюле нашего института, под лестницей, находился книжный киоск. Продавец - худощавый, немолодой человек со сладкой улыбкой. Когда у него спрашивали какую-нибудь книгу, и она у него была, он ее торжественно вручал покупателю со словами: "Только для Вас". В институтской газете появилась нелестная о нем заметка под таким же названием. Его еще окрестили спекулянтom. Я к нему относилась хорошо, приобрела у него большой однотомник Достоевского и несколько химических книг. А на прощание после окончания института в 1953 году купила краткий справочник химика, на котором написала: "Память об институтском спекулянте".

В каком же это было году? Наверное, в 1951-м. Перед семинаром по политэкономии Володька Шевалдышев вдруг объявляет на всю группу, что я ему приснилась на большой куче картошки. Все рассмеялись. Начинается семинар, и я вдруг ни с того, ни с сего задаю сомнительный вопрос учителю насчет плохой и бедной жизни людей. Меня поддержали студенты из группы и стали тоже возмущаться. Мы довели преподавателя до дрожи, он не знал, что отвечать, и набросился на меня, как на виновницу. Кончилось тем, что я разревелась, а он озабоченный вышел из аудитории. Тут все и вспомнили сон Шевалдышева и сказали - "Сон в руку". Значит, если приснится куча картошки, это к неприятности. Потом меня вызвали на партбюро, хотя я не член партии. От бюро наш курс курировал Игорь Санин, он был постарше нас года на три.

Когда мы с Оксаной Николаевой шли домой, он нас провожал и по-отечески беседовал со мной. Речи его были примерно такие: "Вот разгромим американцев и тогда заживем лучше. А сейчас нужно потерпеть".

Ежегодно в институте проводили подписку на государственный займ. Студентов в обязательном порядке подписывали на стипендию. В вестибюле обычно сообщали данные о профессорах, кто из них на сколько подписался. Своеобразное соревнование было между нашим завкафедрой Лосевым и известным уже тогда ученым, тоже завкафедрой Коршаком. Студенты толпились у этой доски и сравнивали цифры, а там были какие-то немыслимые для нас тысячи.

Из всех предметов мне нравилась больше всего на 2-м курсе аналитическая химия, на третьем - органическая. На 4-5 курсах занималась на кафедре эластомеров профессора Ивана Платоновича Лосева, посещала научно-исследовательский кружок, где вела работу под руководством доцента Ольги Яковлевны Федотовой. На кафедре работала и Ольга Валерьяновна Смирнова. Она была знаменита тем, что на занятиях со студентами очень красиво изображала на доске схемы химических процессов безукоризненными четкими прямыми линиями. Нравилось мне ходить заниматься в аспирантскую библиотеку, рыться в немецких журналах. Я стала посещать научно-техническую библиотеку на площади Ногина, имела туда пропуск. Все это мне нравилось и казалось интересным. Но что-то мешало по-настоящему вести научную работу, я отвлекалась на другие увлечения. Хорошо училась по органической химии и физхимии. Правда, училась я неровно, но на меня иногда находило "озарение", как я это называю, - вдруг начинаю на экзамене так отвечать, что и сама удивляюсь. Особенно это получалось на физхимии. Мне кажется, что я этот предмет толком не понимала, но на экзаменах отвечала отлично. Преподаватель Павел Авксентьевич Загорец меня ставил другим в пример, даже студентам других курсов, как мне рассказывали. На 5-м курсе я делала дипломную работу под руководством Сергея Михайловича Живухина. Энергичный, остроумный человек, занятый к тому же и строительством кооперативной квартиры. Я у него занималась кинетикой по методу диффракции Френеля, а дипломная работа заключалась в том, чтоб мутный полимер за счет сшивки превратить в прозрачный. Компоненты - метилакрилат со стиролом - давали мутный, флуоресцирующий полимер, а добавка сшивающего агента, диаллилмалеината, позволяла получить прозрачный. С полученными образцами полимера я выступила на защите дипломной работы и возмущалась, что членам комиссии больше понравились мутные образцы, чем прозрачные. Они их вертели в руках так и сяк, им нравился их флуоресцирующий оттенок. За неделю до защиты я ничего не могла есть, внутри все волновалось и что-то подкатывало. Защищала в черном крепсатиновом платье, держалась бодро и защитила на отлично. Мой руководитель Живухин заглянул в дверь во время защиты, постоял с минуту и ушел, не дослушав меня до конца. Я высказала ему потом свое недовольство, но он сказал, что был во мне очень уверен. После защиты девчонки из моей группы преподнесли, как и всем другим, цветы, и было еще целое ведро роз от моей подруги Оксаны Николаевой.

Так получилось, что у меня близкими подругами были две Оксаны: со школьных времен Оксана Изакова, о которой я рассказывала, а в институте появилась Оксана Николаева. Конечно, лучшими друзьями у меня оставались и мои подруги по комнате - Люба, Румана и Люся, с которой я еще в школе сидела за одной партой. Оксана Николаева была очень мне близка духовно, мы понимали друг друга без слов. В отличие от другой Оксаны, она имела спокойный, терпеливый характер, всегда о чем-то грустила и была сдержанной в радости. Мы много общались в институте, иногда ходили в театры и на концерты. Даже помню, как во МХАТе мы с нею смотрели "Горячее сердце" Островского с Грибовым в главной роли, и спектакль оказался таким длинным, что пришлось бежать на метро, чтоб успеть до закрытия. Потом эту пьесу сократили. С нею мы слушали концерты с участием пианиста Виталия Сечкина, ходили на каждое его выступление, потому что Оксана просто в него влюбилась. На одном из концертов в зале Чайковского при исполнении 1-го концерта пианист вдруг остановился и долго, как нам показалось, не начинал играть. Мы с нею были чуть не в обмороке! А Сечкин имел красивую внешность - молодой, высокий, волнистые густые волосы, приятная улыбка. Он приезжал на гастроли в Москву из Киева.

Мои две Оксаны подружились, мы часто встречались втроем. У меня есть от них общий подарок к моему двадцатилетию, серебряный набор - рюмка и конфетница - с надписью: "Нашей дорогой от двух Оксан. 21.02.1951 г.". После 3-го курса мы с Оксаной Николаевой разошлись по разным кафедрам, на 5-м курсе она вышла замуж за Женю Шкуренкова с ее кафедры. Нас жизнь разбросала - меня в Дзержинск, а она с семьей несколько лет была в Германии, мы встречались все реже и реже. Долго переписывались, но встреч уже не было, и наша дружба заглохла. Позднее я узнала, что в ее жизни случилось много горя. Может быть, у нее в молодости были какие-то предчувствия, почему - то еще в 20-летнем возрасте на лице ее всегда была печаль.

Отдельные эпизоды.

На первом - втором курсе в 1949-50-м годах студентов посылали дежурить по городу, тогда еще не было слова "дружинник". Вспоминается один такой неприветливый вечер, сырая погода, правда, без дождя, и наша тройка: Инна Заварзина, Наум (студент не из нашей группы) и я. Ходим в темноте по Бутырскому валу, совершенно безлюдному и плохо освещенному. Болтали-болтали и сочинили плохонький стишок, но он полностью отражал наши задачи: "Инна, Леля и Наум на Бутырский вал идут. Они надписи читают и листовки подбирают. Пьяных под руки берут и в милицию сдают".

Осенью 1948 г. идем с моей школьной подругой Верой Шевченко от Моссовета к Художественному театру, направляясь дальше к метро. Она из Ворошиловграда привезла для меня передачу - бидончик с вареньем, мы его несли вдвоем. Рядом с МХАТ навстречу шел мужчина, который перед нами расставил широко руки, приветливо улыбался и не пускал нас. Это было мгновение. Вера как вскрикнет: "Боголюбов!" Да, это был известный по кинофильмам "Семеро смелых", "Великий гражданин" артист МХАТа Николай

Боголюбов. Этой встречи нам было достаточно, чтобы долго сохранять хорошее настроение.

В те времена в Москве было мало рекламы. Мне запомнилось, что возле станции метро "Площадь Революции" вечерами ярко светились разноцветными огнями слова: "Курите сигареты "Астра", "Памир", "Дукат", "Прима". А современные курильщики привыкли к рекламам иностранных марок сигарет.

Мы с Верой побывали в филиале Большого театра, где теперь находится театр оперетты, на опере "Севильский цирюльник" с Лемешевым, Ириной Масленниковой и Бурлаком в главных ролях. Из театра шли не спеша пешком к дому, где Вера снимала угол - он располагался во дворе большого дома рядом с Моссоветом. В этом доме жили многие артисты, в т.ч. и Лемешев с Масленниковой. Когда вошли в арку и направились к нашему дому (а я решила переночевать у Веры), услышали какой-то гул. Обращаем внимание, что у одного из подъездов стоит толпа. Тут до нас дошло, что здесь живет Лемешев, и это поклонницы ждут его после спектакля. Мы с Верой решили тоже посмотреть вблизи на моего кумира. Вот, наконец, в арку въезжает машина, впереди с шофером сидит Лемешев в шляпе, сзади Масленникова. Они подъезжают к тому подъезду, где шумит толпа. Мы издали видим, как Лемешев пробивается через толпу и буквально тащит сквозь нее Масленникову за руку. А поклонницы при этом что-то непрерывно говорят, говорят. Мы с Верой стоим и обсуждаем увиденное. Вдруг к нам подлетают из толпы две всклоченные возбужденные девицы с горящими глазами. Одна из них крикнула: "Вы что тут делаете!" А другая: "Да бей их!" В порыве ревности одна девица со всей силы толкает меня в грудь, а другая бьет сумкой Веру по голове. Мы схватились за руки и помчались к нашему дому, вскочили в подъезд, пулей влетели на наш 4-й этаж и там отдышались. Девицы бежали за нами до подъезда и долго нас караулили, они же не знали, что мы тут живем. А мы с Верой еще постояли на площадке, обсуждая это происшествие, и долго слышали, как внизу переговаривались бешеные "лемешистки".

А с Бурлаком мы встретились во время летних каникул в 1949 г. на его бесплатном концерте в парке 1-го Мая в Ворошиловграде, где он выступал на открытой эстраде. Вера, Лариса и я сидели на первом ряду. Я вспомнила, что у меня есть пластинка с романсом "Обойми, поцелуй" в его исполнении. Мы решили его попросить спеть этот романс. Написали записку, Вера подошла к нему и передала. Показалось, что он обрадовался нашей просьбе и спел эту вещь для нас.

В 1949-50-м г. вдруг зазеленела улица Горького - по обе стороны улицы высадили большие липы. Я при этом вспомнила Херсон 1944 г., когда на меня произвели сильное впечатление цветущие и пахнущие на улицах липы. Но интересно, что я не обратила внимание и не заметила, когда же и почему эти липы исчезли. Уже вижу, что никаких лип нет. Сколько же лет они простояли?

С Майей Перцовской или просто с Майкой я училась в одной группе на 1-3 курсах до распределения по кафедрам. Мы были дружны, часто общались. Она - москвичка, очень умная, веселая, обо всем осведомленная, и училась отлично. У нее был роман, который завершился примерно в 1952 г. свадьбой. Меня пригласили тоже. Я надела длинное новое платье из голубого шелка, с

удлиненной талией. При моих 48 кг и росте 160 см я выглядела вполне изящно. Прихожу к Майке заранее, ещё гостей не было. Она (сама довольно полная, невысокая) обращается к своей тете со словами: "Тетя, посмотри на Лелю. Какая фигура!" Тетя, не глядя на меня, тут же сказала: "Если б ты видела меня в молодости - вот это была фигура!" Короче говоря, комплимент в мой адрес она не приняла. Второе воспоминание из этой свадьбы: когда уже гости сидели за столом, кто-то говорит: "А винегрет - горький". Тетя возражает: "Я руки мыла перед тем, как его делать, не знаю, почему он горький". Это все шло к тому, чтоб кричать "горько", а я - о, святая простота! - заявляю: "И совсем винегрет не горький". Потом мне стыдно было вспоминать о своем позоре.

Мы с Руманой в 1951 г. попали на открытие памятника Горькому у Белорусского вокзала, причем чисто случайно. Откуда-то шли, увидели толпу и пробрались в первые ряды. Там говорили речи известные писатели, но я их не помню. Зато отпечталось в памяти, что впереди всех стояла артистка МХАТа Тарасова, которую мы очень любили, с цветами в руках. После речей она их возложила к памятнику.

Однажды я собралась уезжать в Ворошиловград на зимние каникулы, меня поехали провожать на Павелецкий вокзал Люся и Люба. До отправления поезда было еще полчаса. Тут я с ужасом обнаруживаю, что нет билета, и вспоминаю, что он остался дома в кармане другого костюма. Успеть съездить за ним до отхода поезда не удастся. Решили пойти к начальнику вокзала. За солидным столом сидел мужчина с равнодушным бычьим лицом. Мы ему объяснили, что случилось, и попросили разрешить сесть в поезд без билета, но он помочь отказался. Люська очень уговаривала: "Даю честное комсомольское слово, что сейчас же привезу этот билет Вам показать". Он без слов мотал головой, и мы понуро вернулись домой. Я взяла в долг денег, купила себе новый билет на следующий день, и поехала. Вагон попался для курящих. Я лежала без постели на жесткой второй полке и задыхалась от дыма. Внизу были сидячие места, там громко беседовали мужики и курили.

За время учебы в институте особенно запомнились праздничные демонстрации. 1-го мая и 7-го ноября в 6 часов утра староста общежития Изя Спектор ходил по этажам, трубил в трубу, поднимая студентов чуть свет. К 8 часам утра мы собирались в институте и оттуда шли на улицу Горького. Дальше начиналось длительное томление. Более трех часов мы проводили на улице Горького, стояли рядом с громадными танками. Когда танки, наконец, уходили, это значит и нам скоро идти. Танки сильно дымили и травили нас удушливым дымом. На улице мы пели всякие студенческие и шуточные песни, такие, как "Жил-был у бабушки серенький козлик" и "Топится, топится в огороде баня". Здесь же покупали мячики на резиночках и ими били друг друга. На демонстрациях я почему-то всегда была правофланговой, хотя это мало что значило, т.к. наша колонна далековато шла от мавзолея. Мы обычно должны были проходить мимо мавзолея до часа дня. И всегда волновались, что не успеем увидеть Сталина, потому что в 13 часов он садился отдыхать и тогда была видна только его фуражка. За все годы учебы один раз не было Сталина, не считая 1953 г., когда он уже умер. Когда проходили мимо мавзолея, старались запомнить, кто из вождей стоит, и, захлебываясь кричали: "Сталин!

Сталин! Сталин!" При этом у многих текли слезы по лицу. Демонстрации продолжались долго, чуть ли не до пяти вечера, т.к. народу было много, всех заставляли обязательно приходить. Пока стояли в ожидании на улице, то видели знаменитых артистов - они шли по пригласительным билетам на трибуны Красной площади. Так я запомнила Тарасову, она шла под руку с военным, моего кумира Лемешева и Михайлова, знаменитого баса. После демонстрации я направлялась к Оксане Изаковой. Поскольку станции метро "Площадь революции" и "Свердлова" были закрыты, весь народ с демонстрации шел на "Новокузнецкую". Там собиралась большая толпа. Я стала поэтому ходить к метро "Дворец Советов", сейчас "Кропоткинская". Когда люди расходились в разные стороны с Красной площади, то часто ради шутки выстраивались маршировать вслед за каким-нибудь человеком. Получался целый отряд. Особенно было смешно, если этот человек нес в руках флаг. Он и не подозревал, что ведет за собой столько людей, а когда обнаруживал, то смущался, а все смеялись. Так один раз получилось и со мной при возвращении с Красной площади по набережной, когда за моей спиной выстроилось человек 20 и все старательно шагали в ногу. Кажется, именно в этот раз произошел памятный случай, который очень понравился моей дочери, когда я о нем рассказала: поднимаясь с набережной к метро, я подходила туда, где на месте взорванного Храма Христа Спасителя должен был строиться Дворец Советов. Почему и станцию метро так уже называли. И вдруг останавливаюсь в изумлении: передо мной возвышается настоящий Дворец Советов, увенчанный фигурой Ленина. "Когда же его успели построить?" - думала я. Тут до меня доходит, что это всего лишь громадное панно с изображением Дворца, установленное на стене, ограждающей место будущего строительства, правда, так и не состоявшегося. Настоящий мираж.

КОНЦЕРТНО - ТЕАТРАЛЬНАЯ ЭПОПЕЯ 1948 - 1953 г.

Начну с того, что в вестибюле нашего Менделеевского института постоянно продавались билеты и абонементы на классические концерты. Этим занималась симпатичная и приветливая женщина Екатерина Мороз. Она очень умело пропагандировала концерты, т.ч. всегда на них можно было встретить десяток и более менделеевцев. На концерты я ходила со многими из своих подруг, но всегда обязательно с Любой, человеком очень тонкой музыкальной души, поклонницей Шопена. А я была влюблена в Бетховена. Мы с нею учились в одной группе и жили в одной комнате. Покупали обычно 5 - 6 самых дешевых абонементов в Консерваторию и Зал Чайковского. А где-то на 3-м курсе мы не удержались и купили по 10 абонементов. Вот это была гонка! Пару раз совпали концерты в Зале Чайковского и в Консерватории. Мы поняли, что перебрали. Такая насыщенность, конечно, мешала учебе, ведь мы шли на концерт прямо из института, возвращались в общежитие поздно и валились без сил на кровать. В годы нашей учебы в Москве был расцвет музыкального искусства и было столько звезд! И всех их я видела и слушала не один раз.

Святослав Теофилович Рихтер - наш великий пианист, для меня он был первой звездой. Ни одного его концерта мы с Любой не пропускали. У входа в

партер Большого зала Консерватории (БЗК) среди прочих висел и его фотопортрет, я загорелась его иметь. На одном из концертов моя Оксана (она высокого роста) запросто сняла его с гвоздя, но не решилась забрать, а сначала прислонила к груди, а потом повесила назад. Но вот летом 1949 г. в Ворошиловграде приходят ко мне мои друзья Мэра и Саша Нодельман, и Сашка вдруг достает из-под полы пиджака этот портрет Рихтера. Стащил все-таки! Портрет существует до сих пор, и уже три раза пришлось заменять на нем стекло.

Пионы Рихтеру.

Иду домой в общежитие по Головановскому переулку и вижу, что под деревом сидит тетка и продает пионы. Но какие! Громадные, белые, с красной серединкой. Мне загорелось их подарить Рихтеру, а концерт только послезавтра, 21-го июня 1950 г., на который я иду с девчонками из комнаты, с Любой и Люсей. Места у нас, конечно, во 2-м амфитеатре. Покупаю 9 штук пионов, приношу в общежитие и, не решаясь сказать правду, начинаю придумывать. Говорю, что у знакомой по Ворошиловграду старой большевички Зубовой юбилей - 60 лет, и я иду к ее дочери, куда она приехала. Поэтому купила цветы и пропускаю концерт. Билет отдаю Зине Дунавецкой из нашей комнаты и посвящаю ее в свою тайну, а себе удается купить билет в партер на 14-й ряд. Цветы два дня стояли в ведре с водой на открытом окне. Задолго до концерта иду с цветами уже в БЗК, одна старушка подошла и спрашивает: "От кого цветы?" Я удивилась такому вопросу и прошептала: "От меня". Перед началом концерта я стояла у бокового входа в партер возле портрета Листа, прислонившись к стене. Тут вышла служительница и предложила положить цветы на подоконник в закулисной комнате, что я и сделала. Прошла на свое место в 14-й ряд и стала с трепетом ожидать антракта. Рядом со мной сидел какой-то энергичный человек в белом летнем костюме и сопровождал игру Рихтера неразборчивыми звуками, дерганием ногой, и, вообще, он весь извертелся. Когда я на него взглянула, то просто обомлела - это же был Генрих Нейгауз, учитель Рихтера! И вот антракт. Я лезу по ногам, бегу за цветами и направляюсь к сцене. В это время Рихтер после очередного раскланивания уходит за кулисы, оставляя меня долго стоять с букетом пионов перед сценой. Пока я стояла, тут меня и рассмотрели подруги со 2-го амфитеатра, а публика усиленно хлопала, подбадривая меня. Особенно старалась Инна Прус, ярая поклонница Рихтера, которая как всегда сидела в первом ряду на третьем месте слева от прохода. Меня с нею познакомила Оксана, они учились вместе на юрфаке, и мы теперь встречались на концертах, как хорошо знакомые. Через много лет узнаю, что Инна стала работать в музее изобразительных искусств и таким образом оказалась рядом со своим кумиром Рихтером, когда он организовал в этом музее "Декабрьские вечера". Возможно, она, как сотрудница музея, даже помогала в их организации. Наконец, Рихтер вышел на сцену, подошел к краю, наклонился и взял у меня цветы. Прошептал "спасибо" и пожал своей потной горячей рукой мою ледяную руку. На этом все кончилось. Опустошенная, я вышла в коридор, прислонилась к стене у двери и ждала расправы от своих девчонок. Тут прошел мимо Гришка Либинсон из нашего института, сказал что-то приятное и улыбнулся. И вот подходят мои девчонки,

и одна из них цедит сквозь зубы: "Старая большевичка, 60 лет, юбилей...". Она была очень обижена на меня. Подошли остальные, они уже снисходительно улыбались. А большевичка, оказывается, была старше, в том году ей исполнилось 67 лет. Через некоторое время я подумала, что цветы, наверное, быстро осыпались, им уже было три дня, а я не догадалась договориться с теткой, чтоб нарвать букет в день концерта. И мне даже сейчас, почти через 50 лет, делается от этого очень досадно. Из программы концерта помню только часть - "Времена года" Чайковского.

Запомнился скромный концерт в Малом зале консерватории в честь 60-летия Прокофьева. Рихтер играл его мимолетности. Перед тем как сыграть "на бис", конферансье (его звали все просто "Миша") всех рассмешил, сказав с улыбкой: "Еще одна мимолетность". Нина Дорлиак под аккомпанемент Рихтера пела романсы. Недалеко от меня сидел сам Прокофьев, в антракте к нему с поздравлениями подошла известная певица Зара Долуханова. Они дружески беседовали, смеялись.

Рихтер - дирижер.

Всем музыкантам хочется быть дирижерами. Так было с Ойстрахом, так случилось и с Рихтером и с Ростроповичем, не говоря уже о более молодых исполнителях - Плетневе, Башмете. По-моему, у Рихтера был только один концерт, когда он дирижировал. Мы пошли гурьбой, несколько человек. Я волновалась так, как будто это был мой отец или брат. Зал битком набит. Он выходит и, конечно, спотыкается, когда влезает на подставку, чего я заранее боялась - так и вышло! Мог и упасть. В программе - произведение Прокофьева для виолончели с оркестром, играет молодой еще Ростропович. Я от волнения слушала невнимательно. После концерта спускаемся с Любой по лестнице со 2-го амфитеатра, и наша подруга Ира Амельчиц говорит: "Ну вот - пилил, пилил и не перепилил". Дружно рассмеялись - действительно, музыку Прокофьева, Шостаковича мы мало знали и мало понимали. Впечатление от Рихтера-дирижера было сдержанным. А теперь Рихтера уже нет, умер 1 августа 1997 г. в возрасте 82-х лет. 17 сентября в том же году я была на его могиле на Новодевичьем кладбище. Рядом с ним могила нашей народной певицы Руслановой. В следующем году скончалась его жена Нина Дорлиак. Вспоминаю красивые концерты Дорлиак в сопровождении органа. Это просто чудо. Стоит посредине сцены хрупкая, изящная, красивая, в черном бархате певица, со скромной гладкой прической, волосы стянуты в пучок. И как поет Баха под орган! Голос не сильный, но звучит приятно и льется так красиво; поставлен безукоризненно - ведь она профессор консерватории.

И как бальзам мне на душу слова Нейгауза о Рихтере, которые приводятся в книге В. Чемберджи о нем: "В его черепе, напоминающем купола Браманте и Микельанджело, вся музыка, вся прекрасная музыка покоится, как младенец на руках Рафаэлевской мадонны".

Хочу вспомнить и других пианистов, на концертах которых я побывала за годы учебы. Это, прежде всего Генрих Густавович Нейгауз. Зная, что он наставник Рихтера, мы с Любой относились к его игре, как к чему-то безупречному. Все, что он играл, мы воспринимали, как непревзойденное мастерство. На концерты его сына Станислава Нейгауза ходили с интересом и

думали, что он еще молодой и поэтому не может так играть, как отец. Не учитывали, что по стилю он совсем не похож на отца. Красивый, высокий, с вьющимися волосами, он любил играть Шопена, и это у него получалось хорошо.

Эмиль Гилельс - величина на уровне Рихтера. Я его тоже очень любила. Мне все нравилось в его исполнении. Но лучше всех он играл 1-й концерт Чайковского, 1-й концерт Листа и баллады Шопена. Когда я жила в Дзержинске, Гилельс несколько раз приезжал с концертами. Зал музыкальной школы набивался до отказа. На одном из концертов моя дочь Маша вышла к нему с цветами и взяла автограф.

Исключительно серьезным был пианист Владимир Софроницкий, общепризнанный исполнитель произведений Скрябина. Я боялась ходить на его концерты, т.к. говорили, что однажды он отказался продолжать играть из-за того, что в зале сильно шумели. Я переживала, что если ему что-то не понравится, он встанет и уйдет. Действительно, на одном из концертов он ушел за кулисы и больше не вышел, правда, нам объявили, что он заболел, и концерт продолжаться не будет. У меня сохранилась программка его концерта от 19 мая 1950 г. к 35-летию со дня смерти Скрябина. Он играл восемь прелюдий, двенадцать этюдов, пять поэм, две сонаты и четыре вещи "на бис".

Вспоминая Марию Гринберг, вижу ее в голубом бархатном платье за роялем при исполнении сонат Бетховена; мне нравилось, как она играла "Патетическую" сонату.

Совсем другая манера игры была у Марины Веняминовны Юдиной. Она играла сильно, по-мужски. 3-й и 5-й концерты Бетховена - это, конечно, ее амплуа. На одежду она совершенно не обращала внимания, выглядела невзрачной. Молодая тогда пианистка Татьяна Николаева по игре напоминала Юдину, она тоже исполняла свои программы очень мощно.

Павел Серебряков - пианист из Ленинграда - открывал абонемент из произведений Чайковского, с которого обычно начинался концертный сезон. Был основательный, симпатичный, уже седой. Перед началом концерта оркестр под управлением главного дирижера Константина Иванова исполнял гимн Советского Союза, при этом потолок в зале Чайковского переливался разноцветными красками. На обычных концертах этого не происходило.

Трогательно проводил свои концерты слепой пианист Леонид Зюзин. К роялю его всегда сопровождали. По сохранившейся у меня программке его концерта 26-го января 1952 г. в Малом зале можно судить о сложности его репертуара - экспромты Шуберта, этюды, рапсодии и другие пьесы Листа.

На дневном концерте в БЗК играл семилетний Алеша Наседкин концерт Гайдна для фортепиано с оркестром. После концерта ему вручили большую коробку конфет. А престарелый Гольденвейзер совсем не нравился, видимо, не хватало силы играть хорошо. 3-ю часть "Лунной" Бетховена он еле-еле играл.

Симфонические концерты.

Благодаря абонементным концертам, которые, как правило, включали симфоническую музыку, мы хорошо познакомились, прежде всего, с русскими композиторами, но также много слушали и Бетховена, Листа, Шуберта. У нас уже были любимые дирижеры: Натан Рахлин, Курт Зандерлинг, Константин

Иванов, Евгений Мравинский. Хотя рвались и побывали на всех концертах итальянского дирижера Вилли Ферреро, но остались к нему равнодушными. Я любила больше всего симфонии Бетховена, но при этом 6-я симфония Чайковского стоит у меня на первом месте, а при первых шелестящих звуках "Неоконченной" симфонии Шуберта у меня внутри начинает все трепетать. А какой праздник меди был на концертах Вагнеровской музыки! Было такое впечатление, что собирали всех музыкантов с медными инструментами, они еле помещались на сцене БЗК, которая при этом вся сияла медью. И музыка звучала мощная, торжественная, ликующая. Нам с Любой во 2-м амфитеатре казалось, что мы тоже летим куда-то вместе с "Полетом валькирий".

Когда начинаешь вспоминать, сколько в молодости удалось прослушать концертов для фортепиано с оркестром, то не верится, что так было. А теперь, слыша по радио очень знакомую музыку, часто мучаешься оттого, что не можешь ее узнать. Рахманинов, Чайковский, Прокофьев, да можно ли перечислить всех любимых композиторов! Первый концерт Чайковского я узнала еще в школьные годы. Тогда шел американский фильм "Песнь о России", в котором талантливая русская девушка из колхоза, с толстой косой, уложенной на голове в виде короны, и в вышитой блузке, играла запросто этот концерт. И хотя мелодия его хорошо известна, мне она не надоедает. Каждый раз, когда ее слышу, вздрагиваю и восторгаюсь. Досадно было, когда прочла, что Шостакович не любил Чайковского. Прикидывая, сколько же я прослушала концертов классической музыки за 5 лет учебы, останавливаюсь на цифре не менее 150, если исходить, что в год было 5 абонементов по 6 концертов в каждом.

Любовь к опере у меня проявилась в том, что я прослушала абсолютно весь репертуар Большого театра и его филиала за 1948-1953 г. (кроме "Проданной невесты") и посмотрела все балеты. Некоторые оперы слушала по два раза. Я обычно следила, когда в афишах театра появлялась фраза: "Спектакль будет объявлен особо", и обязательно покупала билет на этот день, т.к. это значило, что будет премьера. Так, мне с подругами удалось побывать на премьерах опер "Руслан и Людмила", "Садко", "Хованщина", "Лакме". Удивил меня случай на премьере "Садко": когда для него бросали с корабля доску в море, то раздавался на весь театр грохот от ее падения на пол сцены. Не было впечатления, что она падает на волны. Я решила, что это оплошность, и очень удивилась, когда было все то же самое, когда я пришла на "Садко" второй раз. Запомнилась премьера "Фауста" Гуно в филиале Большого театра. Билеты помог достать отчим моей школьной подруги Люси, он был полковник и жил в Москве. Желающие купить лишний билетик стояли уже в метро. Конечно, эту оперу надо было ставить на основной сцене, а не в филиале. Но такой был порядок - оперы зарубежных композиторов шли тогда на сцене филиала. Мы шли на премьеру, продираясь через толпу. Была даже конная милиция. Первый раз имели шикарные места в партере. Состав был первоклассный. Мы с Люсей от испуга схватились за руки, когда Козловский (Фауст) в конце 1-й картины в ажиотаже поднял далеко не худенькую Шпиллер (Маргарита) и понес ее по ступенькам в маленький домик на сцене. В последнем действии - "Вальпургиевой ночи" - он тоже был в приподнятом

настроении и пытался танцевать с солисткой - балериной Лепешинской. Опера очень красивая, а музыка "Вальпургиевой ночи" была замечательным финалом. Тогда пели Пирогов Мефистофеля и Лисициан Валентина. На премьере "Лакме", где главную роль исполняла Ирина Масленникова, в боковой ложе сидела сама Нежданова, которая тоже исполняла эту роль лет 25 назад. Потом ей приписывали слова, что "Масленникова пела не голосом, а руками". Потому что при исполнении арии с колокольчиками она пение сопровождала движениями рук. Нежданова присутствовала и на премьере "Хованщины". В антракте царственно шла в длинном платье по проходу между рядами к оркестру. А дирижером был ее муж Голованов.

На дневном спектакле "Снегурочки" произошел казус. При исполнении арии Снегурочка - И. Масленникова - подошла ближе к оркестру, и вдруг в это время сзади нее неторопливо прошел через всю сцену обыкновенный современный мужик. Певица, к счастью, не видела, а то бы от неожиданности сбилась. Публика оторопела и поэтому не успела сильно прореагировать. Я со своими подругами решила, что кто-то поспорил на большую сумму. И вот через почти 50 лет читаю в книге воспоминаний знаменитого баса Ивана Петрова об этом случае. Оказывается, поскольку спектакль шел днем, думали, что идет репетиция, и это просто прошел пожарник.

Осталось незабываемое впечатление от концерта польской певицы Евы Бандровской-Турской. До сих пор у меня в ушах звучат романсы Рахманинова "Сирень" и "Здесь хорошо" в ее исполнении. Очень симпатично пела немецкая молодая красивая певица Ева Флайшер. Ее мы слушали с Оксаной Николаевой в Малом зале консерватории. Из сольных концертов наших певиц помню Елизавету Чавдар, ей тогда было 25 лет. В основном, наших певцов и певиц мы хорошо знали по оперным спектаклям.

Вспоминая свои походы в Большой театр, решила подсчитать, сколько я в то время прослушала опер и посмотрела балетов. Получилось 22 оперы и 10 балетов. Не считая 2-х опер и 2-х балетов, которые я посетила во время практики в Ленинграде и "Шехерезаду" в театре Станиславского. Кстати, в этом театре мне не нравились постановки спектаклей, поэтому я редко туда ходила. Самой любимой стала для меня опера "Борис Годунов", а балет - "Ромео и Джульетта". Вспоминаю, как на 4-м курсе сразу после занятий, со студенческим чемоданчиком в руке, в коричневом шевиотовом платье, одна, пошла смотреть этот балет, не ожидая ничего особенного. И что же? Смотрела не дыша. Уланова была совершенно бестелесная, воздушная. Из музыки запомнилась только сцена "Монтекки и Капулетти". С Улановой пересмотрела все ее партии и с Плисецкой тоже. В антрактах обязательно заглядывали в буфет, я там всегда покупала бутерброд с очень вкусной розовой копченой колбасой. Обычно стояла очередь за мороженым, которое накладывали круглой ложкой в вазочки, это казалось тогда необычным. После антракта, как правило, во время продолжения спектакля разносился запах апельсинов (кто-нибудь чистил) и шелест фольги от шоколадок. Запах апельсина и Большой театр у меня связаны неразрывно. Хотя я сама никогда их там не покупала и не ела. На дневных спектаклях на 2-м этаже продавали открытки артистов Большого театра, я их покупала, и теперь с удовольствием рассматриваю и вспоминаю.

Я приобрела много пластинок классической музыки, всегда их покупала в музыкальном отделе ЦУМа. Из дома привезла патефон, и мы их слушали в общежитии. Некоторые пластинки уже были очень заиграны, особенно, баллады и ноктюрны Шопена. Однажды пошутили над Любой, решили ее напугать. Когда она прилегла на кровать и уснула, мы поставили патефон под стол, и завели пластинку "Ракочи- марш" Берлиоза во всю мощь. Она от испуга вскочила и не могла понять, откуда раздается музыка, а нам было смешно. У нее над кроватью висел портрет ее любимого Шопена. Мы и тут решили пошутить. Сложили на ее кровать все шапки, что нашлись у нас, и когда она пришла, задали ей загадку: "Угадай, что это значит". Она не могла догадаться. Пришлось ей напомнить слова Шумана о Шопене: "Шапки долой, господа! Перед вами - гений!".

Драматические театры.

По традиции у нас на 1-м месте стоял МХАТ. Еще были отблески славы Камерного театра с Алисой Коонен, но пока я собиралась, его разогнали. Большой театр и концерты отнимали почти все свободное время и на драму его оставалось мало. Весной 1951 г., перед каникулами, на нас с подругой Руманой нашла какая-то стихия, и мы бросились посещать драмтеатры через день, покупая билеты прямо перед спектаклем. Самое главное, что мы с нею увидели, это "Сирано де Бержерак" в Вахтанговском. Играл Астангов, Казанская. После этого спектакля я заболела Астанговым. Когда слышала его голос по радио, у меня подкашивались ноги, и кружилась голова. Я надоела всем своим Астанговым настолько, что мой земляк и товарищ Женька Кириш решил повторить подвиг Саши Нодельмана и, когда был на каникулах в Ворошиловграде, то в кинотеатре им. Сталина стащил для меня со стены портрет этого артиста, за что попал в милицию. Не знаю, как он выкрутился, но портрет подарил мне в Москве, до сих пор он у меня есть. А когда на зимние каникулы ко мне приехала школьная подруга Лариса Николенко из Киева, я ее первым делом повела на "Сирано". Ей очень понравилось, а мне нет, потому что играл не Астангов, а Любимов. Для меня никто уже не мог затмить Астангова в этой роли. Мы с Руманой еще тогда открыли Вицина. Он нам очень понравился в комедийной роли Морозо в шекспировском спектакле "Укрощение строптивой" театра Ермоловой. Я любила пьесы Горького, и все их пересмотрела во МХАТе и в Малом. Примерно на 2-м курсе в Москву на несколько дней приехала мама и жила у меня в общежитии. Я выбрала по своему представлению спектакль и повела ее в Малый театр на "Мещан" Горького. Места были хорошие - в амфитеатре. Хорошо играли Сашин-Никольский, Анненков. После спектакля мама мне неожиданно говорит: "Как мне надоели эти "Мещане"! В Ворошиловграде два раза смотрела, и здесь опять".

Прикидываю, сколько же я посмотрела спектаклей за пять лет, получается не так много: во МХАТе и филиале - 13 (самые любимые - "Мертвые души" и "Платон Кречет"), в Малом - всего 6 (нравилась "Васса Железнова"), в Ермоловском - не менее 5, в театре Вахтангова - 6 (любимый - "Сирано"). Специально из-за артиста Берсенева ходили в театр Лен.комсомола

на "Живой труп". Любила артиста МХАТа Добронравова в роли царя Федора и Платона Кречета, но он рано умер. Нравился Болдуман тоже в роли Платона и Вершинина в "Трех сестрах", а "Мертвые души" могла смотреть много раз - мне все нравились там артисты. Когда уже работала и приходилось ездить в командировки в Москву, то обязательно посещала любой театр, куда удавалось достать билет. Чаще всего была на концертах в зале Чайковского и в театре Ермоловой - они удобно расположены для командированного человека.

ПРАКТИКА.

За годы учебы в институте было три практики: после 3-го, после 4-го курсов и преддипломная на 5-м курсе.

Первая практика проходила летом в 1951 г. на Дорогомиловском заводе в Москве. Она была общеобразовательной, если не сказать, что бестолковой. Никаких процессов не изучали, сидели в красном уголке цеха, переписывали инструкции. Чем был известен этот завод - тем, что там погибла дочь известного химика Чичибабина, автора книг по органической химии. Она погибла трагически, попав в емкость с кислотой или щелочью. Но это было давно. Здесь у нас была бригада из 5 человек, я - бригадир. Удивляла ребят тем, что наизусть знала имена-отчества всех членов Политбюро, портреты которых висели в красном уголке, и мы вынуждены были смотреть на них каждый день. Тут же стояло пианино. Один парень из бригады, учился на вечернем дирижерском факультете в консерватории и развлекал нас тем, что мог сыграть знаменитое начало концерта Грига. Мы его без конца просили это делать.

Лето 1952 г. Город Владимир, химзавод.

На этот раз практика мне понравилась, т.к. она была не формальной. Мы работали по сменам. Цех ацетилцеллюлозы был семиэтажный, в ночной смене мы любили выходить на балкон 7-го этажа и смотреть на ночной завод. Этакая производственная романтика! Поселили нас в общежитии на улице Труда - семь человек в двухкомнатной квартире. Окружение нашего общежития: с одной стороны - тюрьма, с другой - старинное кладбище и с третьей - речушка, за которой находился наш завод. Мы не боялись ходить через кладбище, там стояли гранитные памятники со стихами и посвящениями, их с интересом читали. Главное развлечение во Владимире - это хождение в Успенский собор на службу. Мы с Любой рано вставали и шли в собор ко времени прихода митрополита, чтоб послушать церковное пение. Ковш со святой водой держал служка - красивый парень с волнистыми волосами. Мы с ним переглядывались. Когда во время службы весь народ падал на колени, а мы с Любой продолжали стоять, то в это время и переглядывались. Один раз я с этим парнем случайно встретила возле кинотеатра, и мы вместе сходили в кино. На этом знакомство кончилось, но осталась частушка, которую девчонки сочинили обо мне:

"Колокольный мерный звон Лелю привлекает
Богу свечку подает, а попу моргает".

А свечку действительно приходилось ставить. Когда находишься в толпе, а мы с Любой были в первых рядах, то стоящий сзади просит передать свечку своему святому. Подруги смеялись надо мной, когда меня тронули за плечо и

дали свечку со словами: "Пантелеймону". Мне пришлось обратиться к впереди стоящему, передать свечку и тоже сказать с серьезным видом - "Пантелеймону". Однажды мы устроили вечеринку и пригласили чужих ребят - художников. Они были во Владимире тоже на практике. С ними пришла дочь известной танцовщицы Тамары Ханум. Она была по нашим тогдашним понятиям одета нескромно, за что мы ее молча все осудили. Начались танцы, она станцевала замысловатый модный западный танец. Тут мы решили ей показать, что такое русский танец, подошли к нашей Румане и попросили сплясать "русского". Ромашка это хорошо умела делать, и, как мы потом говорили, "утерла нос" нашей гостье. На студенческих вечерах в институте Румана выступала и с показательными выступлениями, как гимнастка. Очень изящно могла станцевать мазурку, например, в длинном коридоре общежития, если находился подходящий партнер.

Во Владимире произошел с нами и смешной случай. Как-то ночью, под утро, мы проснулись оттого, что неизвестный пытался залезть к нам в окно, а мы жили на первом этаже. В июне ночи светлые, было видно, что на подоконнике с улицы стоит во весь рост пьяный матрос и пытается открыть окно. Мы все вскочили на своих кроватях - в этой комнате нас было человек пять - и начали на него кричать. Особенно запомнилось, как уговаривала его слезть с окна Румана. Ее кровать стояла посередине комнаты. Сидя на кровати, прикрывшись одеялом, с головой в бигудях, она рассудительным тоном стала читать этому моряку нотации типа "как вам не стыдно". На что моряк неожиданно весело прореагировал: "Ой, какие кудряшки!" и спрыгнул на землю. Он удалился, а мы долго обсуждали случившееся и со смехом вспоминали, какое впечатление на моряка произвели "кудряшки" Руманы.

После практики нужно было сдать курсовой проект, нам всем это далось сравнительно легко, я его защитила на "пять".

Ленинград. 1952 -1953 г. (декабрь- 15 февраля).

Практика проходила на Охтинском химкомбинате и была довольно формальной. Зима выдалась холодная, промозглая, в трамваях замерзали, особенно ноги. От общежития на Московском проспекте нужно было ехать двумя трамваями. Там я впервые узнала, что в темное время можно издали определить, какой идет трамвай, по расцветке лампочек на нем вверху. В цехе я была вместе с Ирой Харламовой, будущим видным ученым в области полимеров (после замужества - Твердохлебова). Утро в цехе начиналось с того, что нам выдавали по бутылке ледяного порошкового молока. Каждый раз я страдала, что забывала к молоку из дома взять кусок хлеба, а так просто пить это молоко было трудно. Пока шли с трамвая к комбинату, по радио у проходной раздавалась "Голубка" в исполнении Шульженко. Она так часто исполнялась, что застряла у нас с Любой в ушах, голове, горле. Нас уже бросало в дрожь от этой песни. Любочка очень умело копировала эту песню, да и не только эту. Она хорошо пародировала многих и артистов и знакомых. По пути к проходной находился тир, я часто туда заходила и целилась в Чемберлена. Если в него попадешь - он снимал шляпу.

У Любы был толстый путеводитель по Ленинграду, мы им постоянно пользовались, и изучили досконально всю архитектуру города. Много раз были

в Эрмитаже, в Русском музее и, конечно, не вылезали из филармонии. Места были входные или "на хорах". Нравилась манера дирижировать у Мравинского - правой рукой взмахивать, а левая в это время лежит на сгибе правой руки, дирижировал невозмутимо, одной рукой. В Ленинграде часто шли концерты популярной симфонической музыки, запомнилось, как здорово Мравинский дирижировал "Болеро" Равеля. Жаль, что в Москве сейчас не бывает таких концертов, мне хотелось бы на них ходить с внуками, чтоб постепенно приучить их слушать и понимать более сложную музыку. В Кировском театре очень понравился балет "Спящая красавица" с Шелест в главной роли, несмотря на то, что ее партнер Каган в одном из действий не мог с первой попытки поднять ее и сделать поддержку.

В Ленинграде Люба получила письмо от Руманы из Москвы с интересным для нас сообщением: она вышла замуж за Спартака! Студента-художника из соседней комнаты в общежитии. Мы ей в подарок купили в Ленинграде гипсовую фигуру балерины в образе Одетты из "Лебединого озера". Я всю ночь не спала в поезде - боялась, чтоб она не разбилась, положила ее рядом с собой на полке. Через какое-то время ее все-таки по неосторожности разбили, хорошо, что остался любительский снимок Руманы рядом с этой балериной.

Перед старым Новым годом в Ленинграде мы решили погадать, для чего скомканный лист бумаги жгли на тарелке и смотрели на его тень на стене. Во время остывания появлялись разные причудливые картины. Мы ясно увидели большую толпу народа, как митинг, затем выступающего на трибуне человека почему-то в кепке и большой гроб. Когда умер Сталин, я вспоминала об этом сне, но сейчас, в Ленинграде, не ожидала, что меня ждет другое печальное известие. Примерно 15-го февраля 1953 г. возвращалась из Ленинграда, в Москве сошла с поезда и сразу из метро "Комсомольская" позвонила Оксане Изаковой. К телефону подошла Настя и говорит: "Леля, умер Генрих..."

ГЕНРИХ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ ЭЙХЛЕР.

Октябрь 1948 г. Я живу в общежитии временно в кухне, пока не подвели газ. Оксана Изакова заканчивала школу в Ворошиловграде, а я уже училась на 1-м курсе МХТИ им. Менделеева. Она, возможно в письме, попросила меня послать пачку бумаги другу их семьи Генриху Эйхлеру в Караганду. При этом она кратко рассказала о нем, что он был в молодости моряком, что его друзья зовут Андреем, что он работал в Детгизе и что его, когда началась война, отправили в ссылку в Казахстан, как немца по национальности. Это все, что я о нем узнала. Оксана не объяснила, какую бумагу нужно было послать, и я не задумываясь, купила почтовую бумагу для писем, с узорами на листках. В бандероль вложила записку с объяснением, кто я и что я. И вот вхожу вечером в комнату и чувствую что-то твердое под ковриком у двери. Смотрю - это ответное, первое, причем большое, письмо от Эйхлера. Из него вспоминаю фразу: " Читаю и думаю, кто же это такая - Леля Третьякевич?" Я так обрадовалась этому письму, хотя и от незнакомого человека, потому что очень тосковала вдали от дома. По-видимому, Эйхлер задал мне какие-то вопросы, я

на них ответила, так завязалась переписка, которая продолжалась 4 года, с октября 1948 г. до ноября 1952г. Последнее письмо Генриха написано 1 ноября 1952 г., а умер он 12 февраля 1953 г. Писал он мне часто, ведь ссылка его тяготила, и он был рад любой отдушине, чтоб как-то отвлечься. К тому же он боготворил Оксану, которую знал с детства, и с родителями которой его связывала многолетняя дружба, а мы тогда с нею были очень близкими друзьями. Я складывала его письма в большую коробку из-под обуви - она стояла на спинке кровати у моего изголовья. Тут же было и радио, которое в нашей комнате, куда я перешла после кухни, никогда не выключалось. Некоторые письма я давала читать подругам из комнаты. Мы видели, что это совершенно необыкновенный человек, высокого интеллекта и культуры. Но только в 1989 г. из альманаха "Чистые пруды" я узнала многие подробности о нем благодаря его ученику, екатеринбургскому писателю Вайсбергу Б. С. Я прочла, что Эйхлер был одним из руководителей Детгиза, что его связывала большая дружба со многими известными людьми - Короленко, Чуковским, Паустовским, Маршаком, Гайдаром, Кукрыниксами. Но тогда я этого не знала. И не очень ответственно относилась к своим ответам на его письма, часто писала о пустяках, о своих тоскливых настроениях, навязывала ему свои переживания. Чтоб больше поместилось писем в коробке, я вынимала их из конвертов, и в результате не осталось ни одного конверта, о чем сейчас жалею. Почерк у него мелкий, правильный, аккуратный, мужской. В ссылке он преподавал в школах литературу. Когда я в 1951 г. перешла из общежития жить к родителям, письма Генриха продолжали приходиться в общежитие. И вот случилось несчастье: при сдаче вещей в камеру хранения на время каникул, что обязательно делалось каждый год, моя коробка с письмами потерялась. Может быть, девчонки просто не сдали ее на хранение. Когда я пришла в общежитие после каникул и не увидела коробки на месте, я не могла поверить, что ее уже нет совсем. Помню смущенное расстроенное Люськино лицо, когда я возмущалась, что пропала коробка с письмами. В ней было около 100 писем Генриха, там же хранились программки концертов за несколько лет, тоже не менее 100. В этой же коробке было 10 писем от школьного товарища и соседа по улице из Ворошиловграда Адика Шермана. Он был очень умным, серьезным парнем, на голову выше своих одноклассников. Вдруг в конце лета, перед самым моим отъездом на учебу в Москву выясняется, что он мне симпатизирует. Мой папа уже запросто называл его маму свахой. Его первое письмо было все написано стихами, каждый куплет начинался словами: "Хорошо, когда ты любишь в восемнадцать лет". Но наши пути разошлись, переписка быстро прекратилась.

И осталось у меня каким-то чудом 21 письмо Генриха, в основном, за 1952 г., из тех, что он писал мне во Владимир и Ольжерасс. В Ленинград он, видимо, уже из-за болезни писать не мог, хотя я ему писала. Перечитываю его письма и остаюсь недовольна своими. Генрих, как учитель, в своих письмах обычно разбирает мои, за что-то хвалит, за что-то критикует. Поэтому я имею представление, о чем я ему писала - в основном, это тоска и уныние, которым я в юности часто подвергалась, и видимо, в такие моменты изливала свои настроения в письмах. Но конечно, много писала об увлечении музыкой,

посещении концертов и театров. Благодаря его ученику Борису Семеновичу Вайсбергу, который поднял и изучил архив Эйхлера, издал о нем книги, я теперь даже имею несколько своих писем. В большинстве своем они очень наивны.

Я радовалась, если мои письма приносили ему тоже радость. Из письма Генриха от 18 марта 1952 г.: "Милая и дорогая Леля! Вечером получил Ваше маленькое письмо от 4 марта, которое начинается словами: "Сегодня день чудесный. Много солнца, света и воздуха". В письме - веточка крымской мимозы. Спасибо - большущее. Вот и теперь, глубокой ночью, после очень утомительной работы - хорошо на душе. Приятно и радостно. Может быть, я очень легковерный и ничего не понимаю в т.н. "настроениях", но я рад, счастлив, что у Вас наметился какой-то поворот от непреодолимой грусти, похожей на отчаяние, к лучшему, к вере в себя, в свои силы и во все хорошее на земле. Вы, как и все нерешительные люди, делаете множество оговорок к своим, будто случайно сказанным, бодрым словам. Но несмотря на это, я верю и надеюсь, что все идет к лучшему....У вас там Бетховена величают, лучшие вещи его исполняют. Вы его так любите! И столько интересного, хорошего, просто чудесного вокруг....И музыка, и живопись, и стихи, и встречи...Мир велик - и Вы можете свободно двигаться. Это тоже очень много значит. Захотели - и двинулись в Крым, например, к морю...Прошлой ночью я видел во сне крымское море. И так захотелось туда, в эту сказочную страну. Увы! Я лишен возможности подумать так, как хочется: захотел и поехал. Но мечтаю и надеюсь...Ваша веточка мимозы - такой чудесный, неожиданный подарок....Очень хочется послать Вам стихи Боратынского - они должны Вам понравиться. Еще - книгу о Гете.

Когда Вы поедете на практику и какая у Вас специальность? Очень хочу увидеть Вас. Очень, очень!!! Вы думали, что практика может быть в наших краях и надеялись, что увидимся. Увы! Кажется, все против этого. Но, м.б., мне нынче посчастливится, м.б., наконец, будет возможность побывать в Москве. Если б Вы знали, как это мучительно - жить годы и годы в ожидании перемен и исполнения желаний!

Снова вспомнилась Ваша открытка "На севере диком" - "Мне кажется, что это я (правда, не такая красивая)". Нет, родная, нет, нет! Это - не Вы! Пусть Вам не кажется.... Всегда всей душой и всем сердцем с Вами. Обнимаю крепко. Ваш Г."

Генрих уже с 1949 года стал необходимой и очень нужной мне частью моей жизни. Я не представляла себе существования без его писем, ведь они приходили обязательно каждую неделю, а то и чаще. Иногда я боялась их открывать, предчувствуя нелестный отзыв на какое-нибудь мое письмо. Он был для меня и как любимый учитель, и как строгий наставник, и как источник многих стихов, о которых я никогда не слышала раньше. Иногда мне казалось, что я к нему отношусь, как к любимому литературному герою. Ведь была же я влюблена в Задорнова ("Педагогическая поэма"), Звонарева ("Порт-Артур"), Болконского, Дубровского, не видя их, и вообще не существующих на самом деле. Так и Генрих - думала я о нем с трепетом, но не видела его и, кроме как по письмам, не представляла себе, какой он есть.

На практике во Владимире меня, наверное, особенно заедала тоска, а я ее тут же изливала Генриху. Из его письма от 11.06. 52: "Дорогой друг! Утром почтальон принес Ваше письмо от 26 мая...Мне кажется, что Вы страдаете от несоответствия "хотеть" и "мочь", и отсюда Ваше мучительное настроение. Письмо Ваше действительно очень печальное. В нем и "живая" и "мертвая" вода странно сочетаются, стоят рядом. Вам хотелось, чтобы я прочитал письмо медленно ("А то не чувствуется, что я хотела сказать"). Я прочитал его так, как Вам хотелось, и перечитал раз десять. Глубоко благодарен Вам за большое доверие, за откровенность. (Я особенно люблю Ваши письма, написанные карандашом. Вы пишете их сразу, не готовясь, не заботясь о стиле, о том, что могут подумать о Вас; искренне, сердечно, а не сухо и холодно, как некоторые другие письма)". Далее Генрих разбирает по косточкам мое письмо и старается наставить меня на путь истинный. В том числе пишет: "Ваша склонность подводить итоги тогда, когда жизнь, в сущности, только начинается, совершенно не оправдана. Надо стараться сочетать мечты и желания с действиями, действовать несмотря ни на что". Он ругает меня за то, что я жалею на свою некрасивость: "Мне кажется, что Вы как раз обладаете бесценной ценностью, т.е. обаянием, богатством и красотой внутреннего мира. Радуйтесь этому, как великому неопределимому дару, берегите его, возвышайтесь еще и еще... А Владимир, действительно, нерадостный город, хотя Герцен думал иначе. Там, правда, веет отовсюду стариной и могилой, как Вы говорите, - я с Вами вполне согласен. Но ведь он на Вашем пути - это только промежуточная станция.... Пишите! Пишите о чем захочется. Всей душой, всем сердцем я с Вами, люблю Вас такой, какая Вы есть, счастлив дружбой с Вами...Крепко обнимаю. Ваш Генрих Эйхлер".

Еще в школьные годы я выбрала себе на небе маленькую, еле видимую звездочку в созвездии Большой Медведицы, показала ее подругам в общежитии, и оказалось, что Румана знает в Уфе семью, которая выбрала тоже себе эту звездочку и что они счастливо живут. А моя школьная подруга Лариса прислала письмо из Киева, где подробно рассказала об этой звезде. Это - Алькор, она находится рядом с Мицаром - второй звездой ручки ковша Медведицы. Позднее, в журнале "Огонек" я читаю, что Алькор - не просто давно известная звезда, а что по ней еще в древности арабы определяли зрение. Она - звезда 5-й величины. Я даже разочаровалась, т.к. по наивности считала, что моя звездочка никому больше не принадлежит. Но благодаря Алькору я увлеклась звездами, стала интересоваться созвездиями и галактиками. Любимая галактика - в созвездии Девы - "Сомbrero", по каталогу NGC 4594. Уже когда жила в Дзержинске и мы ходили нашей компанией в походы, все у меня спрашивали о звездах. А на природе, вдали от городов, небо чистое, звезды громадные, неузнаваемые. Лежали на земле и смотрели на небо, где среди звезд без конца пролетали то самолеты, то, возможно, спутники. А еще как-то на каникулах в Ворошиловграде сидим поздно вечером с подругами, смотрим на небо и рассуждаем о Марсе, я больше всех. Вера говорит мне: "Не иначе, как за марсианина выйдешь замуж!" Когда потом я ее знакомила с мужем, она, смеясь, сказала: "Ну, нашла-таки марсианина?"

Генриху я, конечно, тоже рассказала о своей звездочке. Может быть, мы иногда на нее смотрели одновременно, и она нас связывала невидимой ниточкой. Из его письма от 24.06.52 г.: "Дорогой друг! Сейчас глубокая ночь, но днем я получил сразу два Ваших письма из Владимира, и мне хочется написать вам поскорее хоть что-нибудь, пусть совсем немного. Вот вспоминаю и вспоминаю Вас, смотрю на Вашу маленькую звездочку. И так мне хочется, чтобы Вам было хорошо, что никакими хорошими словами не скажешь... Здесь все эти дни бурные грозы, проливные дожди. А теперь - под утро - тишина необыкновенная, нежно-розовая, как в сказке. И звездочка Ваша, рядом с большими звездами Большой Медведицы, сияет, как чисто-начисто вымытая, как сияют капли росы на заре. Думаю и думаю о Вас - так быстро, что и, сокращая слова, не запишешь всего, что проносится, быстрее всех ветров. Остается лишь одно - то, что окрашивает все, что связано у меня с Вами: огромное желание добра, радости для Вас, всего того, что можно назвать счастьем. Вам, наверное, смешно читать эти слова - "вспоминаю и вспоминаю вас". Это, м. б., и в самом деле смешно, п. ч. я Вас не видел. Но жизнь настолько сложна и столько в ней еще непознанного нами, что мне не кажется странным именно вспоминать Вас. У меня все время такое ощущение, точно я давно-давно знаю Вас. И Вы близки и дороги мне, как самый близкий, старинный друг, с которым можно и говорить и молчать, не таясь, не замыкаясь в свою скорлупу... меня создалось впечатление от Ваших последних писем, что у Вас такое состояние, какое у Лермонтова выражено в одной строке - "непроходимых мук собор" (в одной строке целая трагедия!)... Письмо вышло сумбурное, несколько не лучше Вашего последнего. Писать буду часто, если буду чувствовать, что Вам это нужно. Не забудьте сообщить (теперь же!) свой сибирский адрес. Я и писать буду, и книгу какую-нибудь пошлю. Интересно, понравится ли Вам Сибирь. Мне она, как и Урал, когда-то была "по душе". Обнимаю и целую крепко. Всем сердцем всегда с Вами. Ваш Г."

Отрывок из письма, которое Генрих пишет на следующий день, 25.06.52: "Дружба наша какая-то односторонняя" - говорите Вы. Это не совсем так. Действительно, Вы то идете навстречу, то вдруг, отстраняетесь, молчите долгие месяцы. Потому мне и приходили в голову такие мысли, что моя дружба не нужна Вам. Мне делалось грустно, холодно, и я замолкал, теряя надежду вернуть даже простое доброе отношение. Но вот два-три слова в Вашем письме - какие - затрудняюсь сказать, Ваше большое доверие - и все возвращается снова. Ваши слова - "первый, надежный, единственный друг" - как "чуждое мгновение" вернули мне Вас, друга. Стало быть, не односторонняя."

Генрих просил выслать адрес поселка, куда я собиралась ехать к сестре Зине в гости. Они с мужем Леней жили в Кемеровской области, недалеко от города Сталинска, в поселке Ольжерасс. Туда, на шахту, его направили работать после окончания горного института. В июне 1952 г. у них родилась дочь, и мама решила, что мне нужно туда поехать, чтоб повидать маленькую племянницу и, может быть, немного помочь Зине. Со мной поехала другая двоюродная сестра - Света, еще школьница, 16 лет. После окончания моей практики во Владимире мы и поехали. Еще переживали, какие будут вагоны - цельнометаллические или нет - и обрадовались, что были цельнометаллические.

Поезд назывался "Москва - Новокузнецк", места - в плацкартном вагоне. Ехали несколько дней, подолгу стояли на станциях. Когда поезд подъезжал к большим станциям, то на перроне уже стояли столы, накрытые скатертью, и на них стоял готовый обед. Мы со Светой выскакивали из вагона, быстро садились за стол с другими пассажирами, съедали свежий (и вкусный) обед, расплачивались и снова продолжали свой путь. Эти обеды пользовались успехом у пассажиров, обычно столики полностью были загружены. В Уфе были поздно ночью, но, несмотря на это, к поезду повидаться со мной пришла Румана в сопровождении знакомого парня, видимо, о встрече мы с нею договорились еще в Москве. Понравился Урал. Поезд шел долго вдоль горной речки и крутился параллельно ей.

Перед поездкой я изучала по карте наш путь и мне бросилось в глаза, что из Петропавловска до Караганды, где жил Генрих, шла прямая дорога и мне казалось, что там не так далеко. Возникает шальная и наивная мысль послать ему телеграмму - может быть, он сумеет приехать к поезду в Петропавловск, чтоб увидеться пусть хотя бы на полчаса. Но разум побеждает и я просто сообщаю ему об этом в письме, о чем потом тоже жалею. Мысль о возможной встрече сверлила мне голову и в поезде я все время об этом думала. И вот, наконец, знаменитый Петропавловск Казахстанский, где я размечталась встретиться с Генрихом. Поезд туда прибыл поздним вечером, весь вагон уже спал. Я вышла из вагона и так волновалась, как перед настоящей встречей. Поезд стоял долго, я прогуливалась по перрону и все думала, думала о Генрихе. Представляла, какая бы могла быть наша встреча. Ведь уже 4 года мы с ним знакомы, но только по письмам. А хотелось бы с ним побыть наяву, поговорить обо всем и просто крепко обнять. Он так много сделал для меня хорошего, научил любить поэзию, и просто наставлял на правильный путь. Небо над Петропавловском было темное, без звезд. Перрон освещался тусклыми фонарями, проглядывались аккуратно подстриженные кусты, и в воздухе стоял аромат петуний. Было тепло и грустно. Запах цветов проникал в душу так же, как в Луганске на меня всегда действовал запах ночной фиалки. Внутри все волновалось, и я с горьким осадком направилась к вагону. Тут спохватилась - у меня в руке письмо для Генриха! Побежала к вокзалу, бросила его в почтовый ящик и вернулась в вагон. Там было сонное царство. С тупой тоской на сердце и я улеглась на свою полку.

Утром тоску немного развеял смешной случай. С нами в купе ехали два брата - молодые врачи. Они все время отпускали циничные шуточки, чем вызывали наше неодобрение и смущение. А потом все купе над ними смеялось, когда во время движения поезда вагон наклонился, и с третьей полки на пол стали падать одно за другим куриные яйца и разбиваться. Оказывается, они на какой-то станции купили яиц и просто так, без упаковки, положили их на третью полку. В Сталинск поезд прибыл во втором часу ночи. Нас не встречали, мы не договаривались об этом. В темноте с другими пассажирами отыскивали грузовую машину, которая направлялась в районный центр Мыски, откуда ходит автобус в нужный нам Ольжерасс. Погрузились в кузов на свои вещи и поехали. Дорога шла через леса. Веяло ночной прохладой, Света даже замерзла, пришлось достать ей халат. Рядом на мешках сидела приветливая женщина.

Ехали в темноте, но периодически вдоль дороги мелькали освещенные столбы, это повторялось много раз. Я спросила у женщины, что это такое. Она шепотом мне ответила: "Да то ж тюремщики". У меня все похолодело внутри. Я не совсем поняла, о чем речь, но испугалась. Прибыли в Мыски, когда начало светать. Нас высадили из машины в полную невидимость - такой был туман - и показали, куда надо двигаться к центру города. Мы со Светой с вещами в руках еле-еле плелись по дороге в тумане. Вдруг перед нами из тумана вырисовываются контуры нескольких бродячих собак, которые медленно двигались нам навстречу. Мы остановились не дыша. Никаких домов все еще не было видно, хотя начинался рассвет. И должно было уже взойти солнце, потому что собаки были подсвечены сзади первыми его лучами. Но на нас они не обратили внимания и прошли мимо. На центральной площади, на ступеньках крыльца мы дождались своего автобуса и прибыли в Ольжерасс. Это был поселок с населением 15 тысяч человек, из которых 10 тысяч были заключенные. Лагерь с заключенными располагался внизу, в долине, а поселок находился на пригорках. Там стояли деревянные дома. У сестры была квартира в таком доме из 2-х комнат. В одной комнате стояла большая ванна, не присоединенная к воде. Я решила ее использовать как кровать, спала в ней, объявив всем, что это корабль "Иосиф Сталин". Как раз тогда по радио говорили о новом речном теплоходе с таким названием. Среди населения поселка были люди, уже отбывшие свой срок наказания, они жили на свободе. Их звали "расконвойки". Лагерь заключенных выглядел сверху аккуратным и убранным. Каждое утро их выводили на работу - валить лес. На их одежде было пришито три номера: на спине, на ноге и рукаве. Мы устраивали прогулки в тайгу. Природа там чудесная, речка Ольжерасс - горная, прозрачная, неглубокая - впадает в большую реку Томь. В лесу росли крупные папоротники, мы среди них фотографировались. Когда встречались группы заключенных, некоторые из них кричали нам всякие ругательства, а охрана на это не обращала внимания. По воскресеньям в поселке был базар - прямо на пригорках между домами. Торговали, в основном, лесными дарами, много было лесной малины, а также молоком, яйцами. Зимой по рассказам Лени молоко продавали в замерзшем виде. Леня сводил нас со Светой на экскурсию на свою шахту. Мы надели комбинезоны, шапки с лампочкой. Но чтобы эта лампочка светила, нужно было носить с собой увесистый аккумулятор. Племянница наша, Леночка, была очень хорошенькой девочкой, мы со Светой нянчили ее по очереди. Я, правда, сомневаюсь, что мы смогли хорошо помочь Зине, потому что часто ходили на прогулки в лес.

Генрих писал мне письма и в Ольжерасс. Удивлялся, что это за название такое - больше похожее на иностранную фамилию, и говорил, что на самой подробной карте не мог его найти. Всего я там получила от него 7 писем, но многие не дошли, в том числе и бандероли, что следовало из его писем.

Вся окружающая местность была усеяна лагерями, а в поселке их было два. Сталинский режим, который переломал судьбу Генриха, действовал здесь всюду. Когда мы возвращались из Ольжерасса и ехали на вокзал в Сталинск, наш автобус несколько раз останавливали вооруженные солдаты и внимательно нас осматривали. Перед одним из таких постов Леня - он нас провожал -

говорит: "Вот смотрите, сейчас меня проверят". Он нахлобучил фуражку, сделал испуганное лицо, опустил его низко в воротник плаща. Дверь автобуса открылась, (автобусы были с одной дверью впереди), и солдат заглянул внутрь. Мы замерли. И что же? Действительно, солдат обвел нас всех взглядом и, обращаясь к Лене, отрывисто сказал: "Ваши документы!" Когда отъехали от этого места, то все люди в автобусе начали смеяться. Было еще приключение: Леня сумел нам достать на поезд до Москвы только один взрослый билет, а другой был детский. А Свете было уже 16 лет. Нужно было уговорить проводника нас посадить в вагон с тем, чтоб потом по пути сделать доплату к детскому билету. Видимо, за вознаграждение Леня с ним договорился, и на ближайшей станции сам проводник сделал, что было нужно. А в Сталинске перед отходом поезда он зачем-то потребовал от нас такую инсценировку: я должна была ждать, когда тронется поезд, и только потом, на ходу, прыгать в вагон. Я волновалась перед этим ответственным шагом, но с Лениной помощью все сделала. Место, которое нам оформил проводник, было под номером 13, однако мы благополучно доехали. По пути мальчишка из нашего купе лет семи смотрел в окно и часто кричал на весь вагон: "Мама, смотри - жида, жида!" Мама никак не реагировала, а я смотрела в окно и абсолютно ничего не видела, кроме равнины и телеграфных столбов. Оказалось, что так зовут в этих краях воробьев, что для меня было новостью.

Следующее письмо Генриха мне было читать очень стыдно и больно, я чувствовала себя во многом виноватой и просто глупой. Настоящая эгоистка! Видимо, в 20-летнем возрасте еще и ветер в голове, и плохо знаешь жизнь, а о смерти совсем не думаешь. У меня и в мыслях не было, что Генрих так болен, что может умереть. Надо сказать, что меня жестоко обмануло предчувствие: я была уверена и без сомнения надеялась, что Генрих вернется, и мы обязательно встретимся. Этого не произошло.

23 июля Генрих пишет в Ольжерасс (лежа, карандашом, из-за плохого состояния - и это повторяется в 1952 г. все чаще и чаще): " Дорогой друг! Вечером почтальон принес Ваше письмо из Петропавловска - без даты и подписи, незаконченное. Оно отправлено 20.07. Два дня назад Вы были совсем близко. 600 километров от Петропавловска до Караганды - это столько же, сколько от Москвы до Ленинграда, только поезд в Л. идет быстрее, чем здесь. Вы думали - не дать ли телеграмму, чтобы я выехал к поезду. Это - хорошая мысль, и зря Вы сопроводили ее в письме длинной оговоркой и восклицаниями... Откуда у Вас эта склонность: сказав что-нибудь, сейчас же отказаться от сказанного? Право, это не к лицу Вам. Неужели Вы могли подумать, что я найду Вашу мысль безрассудной или вздорной? Если так, то это досадно. Я не рационалист и никогда им не буду. Увы! Приехать к поезду я не смог бы при всем моем огромном желании увидеться с Вами. Но не потому что болен сейчас, и тем более не потому, что от К. до П. очень далеко. Ограничения повсюду - мой удел сейчас, и тут уж ничего не изменишь по желанию. Вот моя беда, трагедия! И только поэтому я не смог бы приехать к поезду. "Из-за каких-нибудь 30 минут ехать так далеко..." - пишете Вы. И тут я не могу согласиться с Вами. 30 минут - это очень много, - ведь иной раз один

счастливым момент светит и греет всю жизнь. Если б Вы знали, как мне грустно, что не могу встретиться с Вами - хотя бы так! Об этом не расскажешь.

А я словно чувствовал, что Вы были близко. Две ночи подряд видел Вас во сне, целыми днями думал о Вас, все время было как-то тревожно, но хорошо. Хорошо ли Вам будет в Кемерово после трудного года? Мне иногда кажется, что Вы стали такой слабой, что и от дуновения легкого ветра можете упасть. А во сне я видел Вас сильной, веселой. Очень прошу - берегите себя..."

Из письма 28.07.52: "Днем получил Вашу записочку из Новосибирска. Записочки ваши - счастье. Жду их каждый день с утра. И бывает, не напрасно жду. Как хорошо бывает, когда почтальон дает мне вместе с газетами конверт, и я вижу Ваш почерк, этого мне даже не рассказать".

Генрих был великий романтик, а я, наверное, немножко тоже, поэтому у нас было взаимопонимание и желание пообщаться хотя бы в письмах. У него было много друзей, тоже романтиков. Я удивлялась, когда он успевал всем писать письма? А письма его были большие, насыщенные. Писал коллегам по бывшей работе в Москве, своим школьным ученикам, часто писал друзьям. У Оксаны Изаковой до сих пор есть 53 его письма, кроме того, он переписывался со всеми членами их семьи. И, наконец, со мной. Из письма от 30.07.52 г. в Ольжерасс: "Писал Вам в Ольжерасс уже несколько раз. От Вас получил за последние три недели: книгу воспоминаний о Чехове, маленькое письмо из Петропавловска и такое же маленькое письмо из Новосибирска. По-видимому, я все получил от Вас, как всегда. А вот все ли мои письма добрались до Вас - не знаю. Мне почему-то кажется в последние дни, что Вы недовольны тем, что я писал о Вас, неумением сдерживаться, бережливей относиться к слову. Наверное, Вы и в самом деле недовольны - душа чувствует. Чехов как-то писал молодому Горькому, что недостаток его произведений - отсутствие сдержанности, грации. Я не раз повторял чеховскую формулу: "Четкость и краткость - мои божества". Но лишь беру перо в руки, тотчас же забываю своих богов и пишу "утомительно и длинно". Ужасно боюсь, милая Леля, что Вы, в конце концов, совсем заскучаете и перестанете читать мои письма. Пока этого еще нет, я пишу Вам часто. Я так рад, что вот могу писать Вам, что Вы есть на свете, что Вы - друг настоящий...мне всегда хочется сказать вам так много, что часто теряю чувство меры. Простите!...Днем у нас по-прежнему жара, и я боюсь, что скоро расплавлюсь или даже сгорю без следа, как свеча. Зато вечера, ночи - просто прелесть! Как только сядет солнце, начинается великолепная симфония звуков и красок. И так вот каждый день! Я стоял у окна с трепетом душевным, словно ждал чего-то... Чего? - этого я сам не знаю. Темнеет с каждым днем все раньше, опять солнце повернуло на зиму, и снова надо будет долго-долго ждать весны. Вот и Вы стали писать реже, а через месяц, наверное, опять будете пропадать куда-то надолго...Печальная наступает пора! Вы так далеко-далеко, а мне иной раз снится, что я Вас видел, что Вы были рядом; иной раз и не снится, а кажется - воображение действует. Увидеться с Вами - это моя мечта, но осуществимая ли - как знать? Может быть, все может быть. Правда?".

Из письма 3.08.52: "Писал все последние дни, но отсылать не решался. Последнее письмо в Ольжерасс отправил 30-го. Почему не отослал то, что

писал 31, 1, 2 и т. д.? Пожалуй, не сумею объяснить. Чувства наши складываются под влиянием тысячи причин, ускользающих от нашего внимания. Главное то, что боюсь надоедать, боюсь показаться графоманом. Перечитал сегодня то, что написал в последние дни, - вижу: длинно, скучно. Зачем, думаю, слать ей эту кучу листков? Уж лучше перепишу несколько хороших стихов и пошлю.... Буду ждать весточки. Помню Вас всегда. В этом Вы никогда не сомневайтесь. "Твой милый образ, незабвенный, он предо мной везде, всегда, недостижимый, неизменный, как ночью на небе звезда.". Вот хотя бы та звезда, которую Вы показали мне в письме. Я каждую ночь смотрю на нее и думаю о Вас. Почти до утра она светит в мое окно".

До сих пор удивляюсь себе - почему я ему ни разу не позвонила? Хотя бы голос его услышала. Спрашиваю у Оксаны, почему мы с нею до этого не додумались. Она пожимает плечами. Правда, телефона у Генриха на квартире тогда не было. И еще вполне могло быть, что с Генрихом по телефону иногда говорил отец Оксаны, они ведь были друзьями с многолетним стажем, и она могла слышать их разговоры и участвовать в них. А, сама я, думаю, просто боялась услышать реального Генриха, для меня ведь он был как человек с другой планеты, и разговор по телефону разрушил бы это ощущение. И я для него, по-видимому, тоже была как инопланетянка, которую он никогда не видел, а только представлял в воображении. Отсюда идут его фантазии, его сны и его романтические письма-новеллы, как, например, вот это, где я уверена, что в моем лице он представляет какой-то обобщенный образ: " 29 июня 1952 . Караганда. Дорогой друг! Прошлой ночью мне долго снилась весенняя ночь в Крыму, где-то вблизи Алушты. Я шел по верхней дороге, обсаженной тополями, встретил Вас, и дальше мы шли вместе. Куда? Не знаю... Я и теперь еще вижу Ваше милое лицо, смуглое от загара, глубоко сияющие глаза, легкое все в цветах платье. Вы сказали, что живете в Гаспре, много читаете, сидя в большом Толстовском кресле, что Вам еще целый месяц отдыхать. Вы рассказывали анекдоты о Толстом, те самые, которые я слышал когда-то там же, в Гаспре. Было так хорошо Вас слушать! Вообще мне было очень хорошо с Вами, так, как бывает только во сне. Ранним утром мы сидели где-то на скамейке. В руках у Вас была большая книга Чехова "Дама с собачкой", иллюстрированная моими друзьями Кукрыниксами. Это очень хороший рассказ, но очень печальный. Вы сказали, что Крым в ней описан плохо. Мы бродили по запущенному парку Гаспры, где на каждом шагу невольно вспоминается Толстой. О чем мы говорили долго и спокойно, этого мне не вспомнить. Осталось одно - воспоминание о встрече, радостной и прекрасной, ощущение большой радости. Весь день у меня было такое чувство, точно я на самом деле виделся с Вами. Встретились - шли - говорили... Что тут особенного? А у меня от этого сна осталось столько тепла и света, что и сейчас, когда я пишу на сквозняке, от которого можно замерзнуть, мне тепло, хорошо, и рука теплая, словно только что, прощаясь, чувствовал теплоту вашей руки..."

Далее продолжение 30 июня уже лежа в постели, карандашом. "Вчера так и не удалось закончить письма, а сегодня принесли Вашу записочку от 22-го. Как это хорошо, что Вы почувствовали вокруг себя живой, трепещущий, такой богатый поэзией мир. Радуюсь за Вас, родная, и мне снова так хорошо, как во

сне. "Как мне мало нужно, чтоб на душе стало легко и хорошо. Сейчас, вечером, вышла во двор, небо необыкновенно красивое в вечернем закате..." Это не только у вас так, и напрасно вы думаете, что это какая-то странность. Об этом хорошо сказано в стихах Блока: "Как мало в этой жизни надо, друг милый и тебе и мне, И сердце радоваться радо и самой малой новизне". Еще лучше в письмах Розы Люксембург из тюрьмы, вот это место, я его помню наизусть... Ей очень грустно, печально и вот она видит через решетку окна сверкающее облако. "Я глубоко вздохнула, точно освобожденная, и невольно потянула обе руки навстречу волшебному видению. Если есть такие краски, то жизнь прекрасна и стоит жить. Я впиалась взглядом в сверкающее зрелище и впитывала розовый луч из него..." Вот то же самое, наверное, и у Вас. Очень рад за Вас. И спасибо, что написали, о таких вещах пишется трудно. Значит, верите, значит, мы будем друзьями, и Вы больше не уйдете от меня куда-то в темноту, как уходили уже не раз за эти годы. Несколько строчек, а какие хорошие! Знали бы Вы, как я был счастлив, прочитав Вашу записочку! Как мне захотелось увидеть тебя, обнять молча, не говоря ни слова! Впрочем, я всегда мечтаю увидеться с Вами и жду, жду этого момента с величайшим терпением. А может быть, и в самом деле мы увидимся. Как знать? Часто, думая о чем-нибудь, я в то же время думаю о Вас, как будто думаю вместе с Вами. Я уверен, что у Вас есть, кроме меня, настоящие друзья. А Вы почему-то чувствуете себя одинокой. Пусть у Вас будет таких дней, как тот, о котором Вы написали, побольше. "Хорошо быть живым в такой день" - писал когда-то один летчик-испытатель... Простите, что пишу карандашом. У меня что-то с сердцем плохо. Надорвался в учебном году, слишком много трудностей было... В Москве вышла книжка "Чехов в воспоминаниях современников". Это та самая книжка, которую мне уже несколько лет хочется достать. Боюсь, что сюда она не дойдет. Если застанете еще в магазине - пожалуйста, возьмите. Очень хочу, чтобы и Вы ее прочитали. Там особенно интересны воспоминания Авиловой, которые у нас не печатались". (Книгу мне удалось купить во Владимире и отослать ему).

В нескольких письмах Генрих пишет о романе И. Эренбурга "Девятый вал", подробно его разбирает, советует мне прочитать. По его письмам я так ясно представила эту картину, как он, полулежа на диване, медленно читает роман, часто задумываясь о чем-то своем. "8-9 июля... Читая, я все время вспоминал Вас, останавливался, думал о Вас. Не буду говорить, что я думал - это не столь важно и касается больше меня, чем Вас. Скажу лишь, что, вспоминая Вас, мечтал о том, чтоб Вы почувствовали себя не одинокой, могли сказать, что вы счастливы". 12 июля. О романе "Девятый вал". " "Читаю, думаю о Вас. Все время, почти непрерывно, передо мною Ваш образ. Вот вам бы такую мечту, способную "возвысить и придать силы"... Простите, что пишу карандашом. Серьезно болен - сердце, сердце! Кажется, так весь отпуск придется лежать. Не знаю. Где-то вы сейчас? Хоть адрес пошлите, не забудьте, а то вот пишу, а не знаю, куда послать".

В октябре 1954 г. я случайно в сельском магазине в селе Петровка под Луганском, куда направилась за подпиской на Джека Лондона, с радостью

приобрела несколько книг Эренбурга, в т.ч. и "Девятый вал", как память о Генрихе.

Итак, последнее письмо Генриха, написанное карандашом. До его смерти еще оставалось почти три с половиной месяца, но видно из-за болезни больше писать он уже не мог. "1 ноября 1952. Караганда. Милая Леля! Дорогой друг мой! Получил сразу два Ваших коротеньких письма. Пусть Вас это не удивляет, почта тут совсем не виновата. Весь октябрь я очень тяжело болел, - дело дошло до больницы. И сейчас еще болею, похож на человека без кожи, у которого все нервы оголены, но все же теперь могу написать Вам хоть несколько строчек. Вот вам и объяснение моего длительного молчания... Не знаю, что будет в ближайшие дни - смогу ли писать, как прежде, много, смогу ли пойти в школу после праздников. Болезнь коварна. Но я надеюсь на хороший исход, надеюсь, что через несколько дней смогу написать Вам не лежа, карандашом, а сидя дома за своим столом. Теперь я дома, но лежу, до стола дойти не в состоянии. Через несколько дней праздники. Пусть этот последний студенческий год будет для вас переломным, пусть он будет началом новой, большой и радостной жизни, где не будет места для меланхолии и тоски. Может быть, я фантазирую, но мне было очень радостно, что Вы мой друг. Моментами мне казалось, что знаю Вас давно-давно, и я думал, что Вы мне очень-очень близкий человек. И если вам нужна моя дружба, она будет всегда - до самой моей смерти. Вот и все пока. Будьте здоровы. Всегда, всем сердцем с вами. Ваш Г. "

Генрих умер 12 февраля 1953 г., ему было 52 года. Оксана пришла ко мне домой, мы печально с нею сидели, ставили пластинки и вспоминали Генриха под грустную музыку. Позже Оксана подарила мне его фотопортрет, переснятый с довоенной фотографии. В письме Изаковым его жена Нина Федоровна Ходня написала, что в день похорон сначала шел сильный снег, а потом вдруг выглянуло солнце. Летом 1953 г. она приезжала в Москву, я с нею познакомилась у Изаковых. Она мне понравилась. Нина Федоровна выглядела крепкой, загорелой, очень симпатичной. Конечно, она была настоящей опорой Генриху в его жизни.

Письма Генриха Оксане Изаковой.

Более чем 20-летняя дружба связывала Генриха с родителями Оксаны, и ее он знал с детского возраста, и ее брата Мая, которого даже нянчил. Он очень заботился о них, когда их мама была арестована. И когда сам был уже в ссылке, то в его письмах Оксане чувствовалась большое беспокойство за ее судьбу, еще школьницы тогда, и он, как мог, окружал ее вниманием и любовью. Письма буквально пронизаны тревогой о ней, о ее будущем.

Приведу отрывки из писем Генриха Оксане Изаковой.

Из письма в Ворошиловград 12.01.48: "Ваша семья для меня всегда была и есть роднее, ближе, дороже всех родных. Мама твоя прекрасный, настоящий человек. Я знаю ее 25 лет и счастлив, что могу сказать тебе о высоком ее достоинстве". Из номерного поселка № 5 для ссыльных, где он тогда находился, шлет советы Оксане (25.06.48): "Заведи себе такую тетрадку - только для себя (Pro domo sua - на латыни) и пиши в ней все, что считаешь важным". Сам Генрих всю жизнь вел такую тетрадь.

В школе в поселке у него были любимые ученицы - Эльга Нейшефер (тоже из семьи ссыльных) и Гося Назарова. О ней он пишет Оксане: "Эта девочка - моя радость и отрада в моей печальной пустыне, и я ее очень люблю. Так привязался к ней, что и не знаю, как будет, если мне скоро придется перебраться в Караганду. Мы очень много говорим о тебе, Мае, и она теперь каждый раз спрашивает о тебе, ждет твоего приезда ко мне (чудачка!) и мечтает подружиться с тобой. У меня просьба к тебе - напиши Тосе. О чем захочется. Начни хотя бы с того, что мы зря мечтаем о встрече с тобой, что мы фантазеры... Вот снимусь со своими подружками и пришлю тебе снимок".

Спустя 50 лет, в 1998 г. у меня с Эльгой завязалась переписка, она пишет мне из Глазова (Удмуртия) проникновенные строки о Генрихе: "Генрих всегда со мной, звучат его слова, стихи. Вот он ходит перед нами, встает на носочки и читает стихи, которые я потом уже взрослой еле нашла:

Я прошел над Алазанью, над волшебною водой
Поседевший, как сказанье, и как песня молодой...
Потому что веселиться мог и сорванный цветок
Потому что поселиться в этом крае я не мог
Потому что я прохожий, легкой тени полоса,
Шел на скалы непохожий, непохожий на леса (Н. Тихонов).

Мы не очень понимали смысл, - продолжает Эльга - что он и о себе говорил стихами, но нас завораживала песенность стихотворения".

Из письма Генриха Оксане 20.10 48. уже из Караганды я узнаю, что первое послание от меня с пачкой бумаги он получил 11 октября: "Меня так тронула твоя забота и доброта Лели. Ты обязательно пришли мне снимок, где вы с Лелей вместе. Довольна ли она своим институтом, не собираешься ли ты встретиться с ней в его стенах. Мне очень - очень не хочется, чтоб ты шла в киноинститут. Мне хотелось бы, чтоб ты пошла в университет, раз тебе не по душе технические вузы... Весь месяц чувствую себя очень плохо. Школа мне не по душе - поражен плохой дисциплиной, избалованностью мальчиков. Я почти не сплю. Времени для себя не остается. За книгу не могу взяться. Очень уж много общественной работы, тащу воз не по силам. Долго ли так протяну? Все же один раз вырвался в кино на "Молодую гвардию". Насколько хорош роман Фадеева, настолько же слаба картина...". Видимо, сильно отличались ученики в поселке и в Караганде, что вызывает недовольство Генриха, он считает, что смешанные школы лучше. Генрих превозносил нашу с Оксаной дружбу и призывал нас ее беречь, называл счастьем и приводил высокие сравнения: "Ты не права, родная, относительно одиночества. У тебя есть истинные друзья. С Лелей можно подружить навечно, как дружили Герцен с Огаревым или Маркс с Энгельсом - т.е. у вас может быть настоящая большая дружба. А разве я тебе не друг? Правда, возраст. Но что такое возраст в дружбе?"

Из этого письма я узнала, кто помогал Кошевой писать книгу о сыне: "О своем знакомстве с Еленой Николаевной ты мне писала. Писал о ней и мой приятель, моряк и писатель, Петр Гаврилов, который помог ей сделать книгу о сыне. Кинофильм, по-моему, совсем не Фадеевская "Молодая гвардия", а Герасимовская.... Пришли снимок, где вы с Лелей вместе. Мне она нравится -

это настоящий человек большой души. Берегите свою дружбу". В каждом письме Генриха Оксане он поддерживает нашу с ней дружбу, идеализирует ее и меня тоже. Генрих очень любил роман "Молодая гвардия", и я ему не решилась написать о своем дяде-молодогвардейце, о том, кто же является прототипом Стаховича. Наверное, он идеализировал нашу дружбу не зря, потому что в своих письмах я писала тоже много об Оксане. Из моего письма Генриху от 9.09.49: " Так хорошо нам бывает с Оксаной, когда мы бываем вместе. Вот сегодня ходили по Москве около Кремля. Ночь очень хорошая - тихая, теплая, лунная. И странное сочетание - кремлевская звезда и Луна. Москва очень красивая ночью и вечером. Еще и утром. Днем много людей, все бегут, суетятся и Москвы-города не замечаешь. А вот рано утром, когда людей почти нет на улицах, Москва хороша. Чистая, свежая, в ранних лучах Солнца. Сразу "Хованщина" вспоминается. Интересно, что просто присутствие друг друга (я и Оксана) нас успокаивает, поднимает дух. Не обязательно мы что-то говорим - просто возьмемся за руки и идем. Этого вполне достаточно. Сразу все невзгоды, накопившиеся за неделю, забываются. Душа светлеет и ты набираешься сил." В этом же письме я мечтаю о встрече с Генрихом: "Обо мне вы никогда не беспокойтесь, Генрих Леопольдович. Со мной ничего опасного не может случиться. Я очень, очень хочу, чтоб у вас все было хорошо. Скорее, быстрее. Я уже сейчас представляю, как захожу к Вам после учебного дня здесь, в Москве, чтоб отдохнуть душевно, чтоб просто Вас увидеть. Скорее бы все это было !"

В письмах начала 1949 г., когда мама Оксаны была снова арестована, Генрих отчаянно пытается поддержать дух Оксаны и сам страдает от своего бессилия: "Золотая моя! Я давно тебе сказал - все мое - твое. Я не знаю даже, где ты сейчас живешь в Ворошиловграде... У меня, родная, тоже много горя, особенно в последние месяцы. Говорить на эту тему не хочется, тебе не до этого. Напоминаю, чтоб ты знала, что я всегда тебя пойму". И в письме 4.04.49 в ответ на получение нашей с Оксаной фотографии, он вспоминает маленькую Оксану: "Представь! Распечатав твое письмо и взглянув на снимок, я как-то молниеносно вспомнил один хороший день давным-давно. Было это в Пушкине, летом. Мы шли где-то полями, и я вел тебя, совсем еще маленькую, за руку. Надвигалась гроза, гремело, ветер гнал пыль по дороге, а ты ни за что не хотела возвращаться домой, рвалась вперед, тянула меня и весело распевала: "Беспокойная я, успокойте меня". Странно, что именно этот эпизод из всей нашей долгой дружбы так ясно, и в мельчайших подробностях возник сегодня в моей памяти. Вероятно потому, что на снимке я увидел тебя совсем взрослой, а тогда ты была совсем маленькой - по контрасту. Хорошо, что у тебя беспокойное сердце с детства. Теперь на моем столе будут два твоих снимка - тот, прошлогодний, который я больше всех люблю, и этот, где вы с Лелей. Вы для меня сейчас самые близкие и дорогие. Может быть, этому трудно поверить, но я говорю правду и, надеюсь, что вы обе в этом убедитесь".

Положение ссыльного очень угнетает Генриха, хотя он старается бодро держаться. Но когда прорывается его тоска наружу, читать это больно. 8 апреля 1949 г."...Такая уж судьба моя горькая. Знаешь, что такое круги по воде? Восемь лет тому назад меня коснулись такие круги по воде. Нам пришлось немедленно выехать - всем. И никто ничего не мог поделать. И теперь то же

самое. Причины? Время суровое. Мириться с нелепым положением не могу, переживаю все мучительно. Ты же знаешь, сколько лет я в партии - вся жизнь прошла в партии. Я жду стойко, по-большевистски, жду справедливости". Здесь он жалуется на друзей-писателей, которые "пишут охотно, а пойти поговорить, добиться вразумительного ответа - времени не хватает. Я надеюсь, что если не умру - дождусь. Я счастлив, что у тебя подруга - Леля. Готов молить всех богов о том, чтоб ваша дружба сохранилась навсегда, чтоб она росла и ширилась. Она любит тебя по-настоящему. Ну, как я... Жизнь очень сложна, и на наш век придется еще много горестей. Береги в себе все хорошее, будь умницей, бесстрашной...Моя работа? Идет по строчке в сутки. Школа берет меня целиком. Шутка ли - шесть классов: два 8-х, один - 9-й, три - 10-х. Одних сочинений 200... Когда-нибудь мы увидимся. Я в это тоже буду верить. А пока вижу тебя часто во сне. Я очень, очень тебя люблю - нежно и верно".

Как-то мы гуляли с Оксаной по Москве и думали, как же можно было бы помочь Генриху. Оксана почему-то возлагала надежды на Алексея Толстого, говорила: "Если б не умер Алексей Толстой, мы бы к нему сходили и рассказали о Генрихе. Он добился бы, чтоб его освободили". Это были, конечно, наивные мечты.

Генрих очень переживал за Оксану, когда она заканчивала 10-й класс в Ворошиловграде, мечтал, чтоб она "получила круглые пятерки, ибо это путь в Москву". Он боялся, что ей может помешать ссылка ее мамы.

Во многих письмах прорывается безысходная тоска: "15.06 1949. Снова пишу тебе, моя родная и любимая! Дома никого нет, и поговорить не с кем. Сидел за столом, глядя на фотокарточку, где ты с Лелей, и так захотелось увидеть тебя, обнять и говорить, говорить обо всем сразу. Увы, увидеть - нельзя. И как знать, увижу ли я тебя вообще когда-нибудь. Когда мне бывает невтерпеж трудно, я позволяю себе пофантазировать. Уношусь мысленно в мой Ленинград, а то и в Севастополь, Ялту, Алушту - мои любимые места Черноморья".

24.06.49 - "... Завтра последний экзамен. Семьдесят моих воспитанников выходят из школы в дальнее плавание. Морские сравнения вошли в привычку с детства: с десяти лет мечтал о море, о корпусе (куда мне не было доступа), об умной стальной машине, бегущей по волнам в далекие дали. Из 30 моих мальчиков 5 едут в Ленинград, в то самое училище Фрунзе, около которого я когда-то простаивал часами, засматриваясь на гардемаринчиков, казавшихся мне божественными существами".

Серьезно, на многих страницах Генрих обсуждает будущее Оксаны, ее выбор института: "Рад, что ты не идешь в ГИК. Очень удивило твое решение идти на юридический. Подумай. Не понимаю, почему Борис (дядя Оксаны) против того, чтоб ты пошла на журналистику. По-моему, она ближе тебе, чем юридический... Сфотографируйся одна для меня. Мне хотелось бы, чтоб ты сфотографировалась так, как мама в юности. Помнишь ты этот снимок, где она стоит одна и смотрит вперед. Лучшего у нее не было. Он у меня есть".

Письмо в Москву 24.07.49: "Кончить школу с золотой медалью было очень трудно, а тебе вдвойне, втройне из-за горя, которое нас постигло. "Звезды нашего счастья - в нас самих"- сказал Гейне...".

Оказывается, я из Ворошиловграда летом 1949 г. отправила наши с Оксаной книги по литературе Генриху. Об этом я узнала из его письма: "В одной из книг нашел записочку Лели - "По этим книгам мы с Оксаной учились, а теперь Вам посылаем". Спасибо вам, дорогие мои, милые мои подруженьки. Конечно, все это я могу найти здесь, Тургенев и Лермонтов у меня есть под моей редакцией, но ваши книги мне пригодятся - у меня много учеников".

Далее идет любопытное место о "Молодой гвардии": "Я с большим интересом пересматривал все отмеченные вами места в "Молодой гвардии". Знакомые и дорогие мне почерки, и все умно и правильно. Удивило только то, что вы не отметили очень важного места, где речь идет о Стаховиче". И Генрих, влюбленный в роман Фадеева, как учитель литературы пишет Оксане на нескольких страницах об образе Стаховича. В далекой Караганде, возможно, не знали о Викторе Третьякевиче и о его связи с образом Стаховича, а в Ворошиловграде относились к этому недоверчиво и осторожно. Зная подоплеку Стаховича, мы с Оксаной не акцентировали на нем внимания в романе, на что сразу обратил внимание Генрих.

Снова и снова Генрих напоминает Оксане о нашей с нею дружбе, боится, чтобы новые знакомые не отвлекли ее от учебы: "Ты увлеклась в Москве широким кругом знакомых, забыв о том, что время и возможности человека ограничены. Я по себе знаю, что значит иметь сто друзей. Береги свою дружбу с Лелей - вот мое желание и, если хочешь, завещание... Я совсем болен, дорогая моя. Соображаю крайне плохо. Но мы с тобой понимаем друг друга с полуслова. Я люблю тебя по-прежнему и буду очень рад, если мы будем хорошо, по-настоящему дружить. Я ни тебя, ни Мая, ни Лелю никогда - никогда не забуду".

Часть книг из домашней библиотеки Генриха осталась у его друзей в Москве. Он попросил брата Оксаны Мая выбрать что-нибудь для меня. Так у меня оказалось с десяток книг Генриха о композиторах и театре. Было несколько томов переписки Чехова со своей женой, которые потом исчезли в общежитии. Мне не понравился тон, каким Чехов говорил с Книппер-Чеховой в письмах. Возможно, я неправильно что-нибудь поняла. Но что интересно, что Генриху они тоже не нравились. В декабре 1950 г. он пишет Оксане: "Май передал Леле от моего имени переписку Чехова с Книппер. Не представляю, как она приняла эти книги. Мне смешно и грустно. Как могло случиться, что книги, которые меня возмутили и огорчили, которых я никогда и никому не подарил бы, попали к Леле. Май либо ошибся.... Видела ли кинофильм "Мусоргский"? Не посмотреть его было бы просто глупо. Люблю его, как и Глинку, больше других. И "Бориса" и "Хованщину" знаю наизусть от первого до последнего звука".

31-1.01.51. "Есть ли у тебя Пушкин? Если нет, возьми моего. Большое красивое издание в 6 томах - Май знает. Напиши своей рукой: "Ни время, ни расстояние никогда не смогут лишить нас самого прекрасного дара жизни - дружбы" - от моего имени. И поставь дату 1 число Нового года".

Генрих радуется, что Оксана поедет повидаться с мамой в далекую ссылку и предлагает даже со своей стороны помощь: "Твое намерение побывать у мамы считаю хорошим и правильным. Денег можно собрать, их нужно много.

Пусть Май продаст мои книги - это будет поддержкой. Ты говоришь, что нашу встречу приходится отложить из-за денег. Вот уж чепуха-то! Да знай я, что ты можешь приехать, я достал бы тебе денег сколько нужно. Ты мне нужна так, как никто из моих старых московских друзей. Увидеть тебя с Лелей - это было бы таким счастьем, которое и представить трудно, разве можно только во сне увидеть".

Из последнего сохранившегося письма Оксане, 3.07.52: "...Не думаю, что ты могла обидеться на мои письма. Писал от всего сердца, главным образом, о твоей судьбе. В последние дни я очень болен (сердце надорвано до последней степени), лежу. Год в школе закончился у меня хорошо, но был тяжким и в результате сердце сдает. Хватит ли сил выстоять? Думаю - да...".

Когда я приехала в Дзержинск, то историю с Генрихом рассказала только одной подруге - Ивете Разинской. Вскоре я поняла, что мне очень не хватает Генриха, его писем, что мне хочется ему писать. На душе было тоскливо, хотя я начинала новую жизнь. Как успокоение мне пришла в голову мысль назвать сына, когда он у меня появится, в честь Генриха - Андреем. Ведь так его называли и жена, и друзья. Что я и сделала в 1956 г., когда родился сын.

К письмам Генриха я не возвращалась, пачка лежала нетронутой много лет, пока на нее не обратила внимания моя дочь и не попросила прочитать. Так она узнала об Эйхлере, и когда в Москве встретила альманах "Чистые пруды", где написано о нем, привезла эту книгу мне. Это было в 1989 году. Когда я прочла в альманахе о Генрихе, у меня раскрылись глаза. Я просто пришла в смятение - оказывается, вот это был какой человек, а я и десятой доли не знала! Написал о нем его ученик по Карагандинской школе Вайсберг Борис Семенович. Сопровождали эти записки замечания Льва Разгона, известного нашего писателя, который в 30-е годы работал с Генрихом. Я решила, что мне нужно найти Вайсберга, чтоб узнать больше о Генрихе и сказать, что у меня есть его письма. Поскольку Разгон был известным человеком, я решила обратиться к нему. Но от желания до действительности прошло много времени. Эти годы в моей жизни были очень трудные: я ухаживала за парализованной свекровью, муж был после 2-го инфаркта, двое маленьких внуков. В 1990 г умерла свекровь, я активно занималась внуками, в 1993 г. их стало уже трое, а в 1995 г. умер муж. Перебирая в 1997 г. в одиночестве свои бумаги, я натолкнулась на письма Генриха, вспомнила о Вайсберге. Через знакомую дочери связалась по телефону с Разгоном, он мне и сообщил, что, оказывается, Вайсберг не москвич, как я думала, а живет в Екатеринбурге. Лев Разгон о нем сказал, что это главный "эйхлеровед" в нашей стране. Телефон Вайсберга мне помогла найти подруга Румана, которая тоже жила в Екатеринбурге. Так я познакомилась с Борисом Семеновичем, писателем и издателем, бывшим учеником Эйхлера, много сделавшим для памяти о нем. Он написал и издал в 1991 г. большую книгу о нем "Пред именем твоим" и много написал небольших рассказов и новелл о нашем учителе. Большой архив Эйхлера не дает покоя Вайсбергу, ему хочется как можно больше опубликовать материалов, имеющихся там. В 1998 г. он написал от имени Эйхлера и издал книгу, которую озаглавил словами самого Генриха из его дневников: "Для себя лично или несмотря ни на что". В эту книгу вошло и несколько писем Генриха

из моего архива. Читая книги Вайсберга о Генрихе, я как бы знакомлюсь с ним заново, постигаю масштабность его фигуры в довоенном литературном мире и все больше и больше страдаю оттого, что не могу исправить многое, хотя бы, чтоб мои письма ему были умнее и бодрее. Да, я благодарна своей судьбе, что в моей жизни светила такая звезда, имя которой - Генрих Эйхлер.

Еще один эпизод из институтского времени. Осенью 1949 г. бегу на лекцию по коридору института. Пробегая мимо полки с письмами, машинально их просматриваю, хотя мне никто не писал на институт. Вдруг вижу знакомый конверт - письмо от Генриха! Хватаю его и бегу в аудиторию. Там достаю, чтоб прочитать, и замираю - письмо не мне, а незнакомой Римме Плотниковой. В перерыве начинаю ее разыскивать и нахожу - она, оказывается, учится на 1-м курсе (а я уже на 2-м). Отдала ей письмо, выяснила, что она училась у Генриха в школе, пыталась побольше о нем расспросить, но она была тогда неразговорчива, еще не освоилась на новом месте. Она показалась мне маленькой и робкой. Потом Римма стала милостивой девушкой, активной общественницей, уверенной в себе. Помню такую сцену уже в марте 1953 г.: делаю дипломную работу, провожу опыты, а сама лью слезы, ведь только-только умер Сталин. Вышла проветриться в коридор, оперлась о подоконник и плачу. Пробегает мимо Римма - уже с прической, а не с косичками, в белой блузке, она уже на 4-м курсе, и начинает меня утешать. Я сквозь слезы говорю: "Вот Генрих умер, а теперь и Сталин". Она вдруг заявляет, чем меня неожиданно ошарашила: "А я люблю больше Ленина!" На что я пролепетала с удивлением: "А я - Сталина". Любовь к Ленину, наверное, ей привил Генрих, он любил его.

СМЕРТЬ СТАЛИНА

1953 год. Я живу с родителями на частной квартире недалеко от "Красного богатыря" в хилом домике с одной комнатой. Тогда там были, в основном, частные дома. Папа учится в Высшей торговой школе, брат Витя - во 2-м классе, мама - домохозяйка, я заканчиваю 5-й курс МХТИ им. Менделеева. По утрам мама часто рассказывала свои сны, она им придавала определенное значение. И вот рассказывает, что ей приснилось все правительство - посередине сидит Сталин в белом кителе, в то время как остальные сидят в темных костюмах. Сон показался нам подозрительным, мы сразу подумали, что может что-то случиться со Сталиным. В этот же день зазвучала по радио грустная музыка и объявили о болезни Сталина, а 5-го марта он умер. Вот и не верь снам после этого! Когда Сталин умер, главной задачей всех было попасть к его гробу в Колонный зал. Я с Оксаной Изаковой и тетей Катей - тещей ее брата - целый день плелись в нескончаемой очереди по Садовому кольцу. Шел мокрый снег, продавали мимозу. Мы так и не смогли попасть в Колонный зал и не увидели мертвого Сталина. Моя подруга Оксана Николаева спокойно прошла в Колонный зал под руку со своим свекром - генералом. А Румана пробиралась по дворам, уже недалеко от цели она попала в толпу, где ее чуть не задавили, вытащил и спас ее какой-то мужчина, но к гробу она не попала. Любу сжали на Трубной площади, ей стало плохо, солдаты втащили ее на грузовик, - один из тех, что перегораживали дорогу желающим проститься с вождем. Люба пришла в себя и спрыгнула на другую сторону, откуда все же сумела пройти к Сталину.

Когда его похоронили, я стояла на мосту и наблюдала, как возвращался с Красной площади конный катафалк уже без гроба. Во время похорон 5 минут раздавались гудки фабрик и заводов, машин и сирен. От этих всеобъемлющих трагических звуков у меня возникло странное ощущение полета и головокружения. Я на миг закрыла глаза, и все эти звуки предстали предо мною в виде разноцветных полос и лент. Особенно выделялась среди серых фабричных звуков желтая полоса сирены. Генрих совсем немного не дожид до смерти Сталина - до своего освобождения из ссылки.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ (июнь 1953).

Перед распределением Любочка Лихоманова и я договорились, что будем проситься в Челябинск на завод оргстекла. Дома я уже родителям об этом сказала, и папа на карте рассматривал дорогу от Москвы до Челябинска. И вот подошла моя очередь, захожу в кабинет, где сидит комиссия. Там еще находился Володя Шевалдышев из нашей группы, ему уже выписывали направление. У него проблем не было, ведь он москвич. Мне задают вопрос, куда бы я хотела идти работать. Я говорю о Челябинске. Ну что ж, расписывайтесь. Мне дают листок со списком фамилий, я отыскиваю свою, и только хочу расписаться, как раздается возглас нашего декана Лазарева:

- Подождите! Вы ведь занимались научной работой. Нет, Вас надо к Барботину в Дзержинск, а не в Челябинск.

- Я хочу в Челябинск.

- А что Вас туда тянет?

- Я хочу работать на заводе

- Нет-нет. Только к Николаю Романовичу в Дзержинск.

Володя Шевалдышев сидел и все слушал, и когда вышел в коридор, то все там рассказал, причем сказал, что я слабо сопротивлялась. Конечно, у меня не было никаких серьезных доводов, и я не смогла убедить комиссию, что мне нужно обязательно в Челябинск. Как в тумане я вышла в коридор, нервы на пределе. Люба глянула на меня, разрыдалась и побежала по коридору. Я, вся расстроенная, стояла и плакала в коридоре. Так я оказалась в Дзержинске в отделе "С" (стекла), руководителем которого короткое время был Барботин. Получалось, что я шла по его следам - когда была на практике в Ленинграде, он как раз там был директором Охтинского комбината, где у меня проходила практика. Когда я прибыла в Дзержинск, он уже там не работал. Отдел "С" находился при заводе "Рулон". Постепенно отдел "С" превратился сначала в филиал московского института, а потом стал самостоятельным институтом НИХП, переименованный затем в НИИ полимеров им. академика Каргина. Там я проработала в лаборатории №1 всю свою трудовую жизнь - 33 года - до ухода на пенсию 18 апреля 1986 г. Когда историю о распределении услышала моя свекровь Пелагея Ивановна, то сказала коротко и ясно: "Судьба".

Последние дни перед Дзержинском.

Я должна была явиться на работу в Дзержинск 1-го августа 1953 г. Родители решили, что мне перед работой нужно побыть в доме отдыха. Взяли мне путевку с младшим братом в дом отдыха "Лысая гора" на Донце. Послали в Дзержинск телеграмму с просьбой разрешить мне задержаться до 20-го

августа. Брату Вите было 9 лет, мы с ним играли в шахматы, он любил сидеть возле рыболовов и наблюдать за рыбалкой. Он полюбил это дело и впоследствии часто ездил на Донец и в другие места ловить рыбу. Один из отдыхающих мужчин был очень похож на артиста Николая Симонова, который мне очень нравился по фильмам "Возвращение", "Петр I". Я на него во время обедов смотрела и добилась этим того, что он пригласил меня покататься на лодке. Тут произошло два инцидента: во-первых, он веслом зацепил какое-то рыболовное устройство деда-рыбака и тот с берега стал нас поливать отборным матом - было неприятно, а во-вторых, вдруг навстречу плывет лодка с какими-то ребятами, где ни с того ни с сего оказалась моя подруга Вера. Она начала мне кричать, чтоб я возвращалась, и мы возвратились. На этом мой роман кончился, зато на обед я пошла в модном Веринном платье с красивой большой оборкой внизу, а она в это время сидела в моей палате. Мы с братишкой хорошо отдохнули, много купались и загорали до облезания.

Впереди предстоял путь в неизвестный мне Дзержинск - город химии, где, как рассказывали студенты, которые там побывали, из труб заводов шел желтый дым - "лисьи хвосты".

-

СОДЕРЖАНИЕ

1. Детство	1
2. Малая Вергунка	5
3. Родословная	1
4. 1941-1945	33
4.1 Начало войны	
4.2. Возвращение	38
4.3. Поездка в Херсон	40
4.4. "Молодая гвардия"	42
4.5. Переезд в Ворошиловград	60

4.6. День Победы	
5. В новом доме	72
6. Школа	78
7. Оксана Изакова	89
8. Москва. Институт	95
8.1. Концертно-театральная эпопея	104
8.2. Практика	110
9. Г. Л. Эйхлер	112
10. Смерть Сталина	129
11. Распределение	129